

Кондратьев Н.

**СТАРШИЙ БРАТ ЦАРЯ
ТОМ 2**

Россия Державная

Россия державная

Николай Кондратьев

Атаманы-Кудеяры

«Алгоритм»

1996

УДК 821.161.1Р
ББК 84(2Рос=Рус)

Кондратьев Н. В.

Атаманы-Кудеяры / Н. В. Кондратьев — «Алгоритм»,
1996 — (Россия державная)

ISBN 978-5-486-03860-0

Писатель Николай Васильевич Кондратьев (1911–2006) родился в деревне Горловка Рязанской губернии в семье служащих. Работал топографом в Киргизии, затем, получив диплом Рязанского учительского института, преподавал в сельской школе. Участник Великой Отечественной войны. Награжден орденами Красной Звезды, Отечественной войны, медалями «За боевые заслуги», «За победу над Германией» и др. После войны окончил Военную академию связи, работал сотрудником военного института. Член СП России. Печатался с 1932 г. Публиковал прозу в коллективных сборниках. Отдельным изданием вышел роман «Старший брат царя» (1996). Лауреат премии «Зодчий» им. Д. Кедрина (1998). В данном томе представлена вторая книга романа «Старший брат царя», состоящего из четырех самостоятельных произведений. В нем два главных героя: жестокосердый царь Иван IV и его старший брат Юрий, уже при рождении лишенный права на престол. Воспитанный инкогнито в монастыре, он, благодаря своему личному мужеству и уму, становится доверенным лицом государя, входит в его ближайшее окружение. Но и его царь заподозрит в измене, предаст пыткам и обречет на скитания...

УДК 821.161.1Р
ББК 84(2Рос=Рус)

ISBN 978-5-486-03860-0

© Кондратьев Н. В., 1996

© Алгоритм, 1996

Содержание

Часть четвертая	6
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Николай Васильевич Кондратьев

Старший брат царя. Том второй. Атаманы-Кудеяры

Часть четвертая Царская опала

1

Шлях от Нижнего Новгорода на Казань шел правым берегом Волги, то удаляясь на многие версты, то приближаясь к самой реке, к бечевнику, по которому бурлаки или лошади тянули баржи, струги и большие ялы. Много всякого люда шло и ехало по этому шляху. Встречные путники охотно рассказывали о казанском деле. Еще до прибытия в Нижний Юрше стало известно, что войско Ивана окружило Казань, что успешно отражаются вылазки татар. Однако русским нелегко приходилось. Здесь, вдали от места сечи, было видно: на судах вверх по реке плыли искалеченные вои, другие во множестве плелись шляхом, иные ехали на перегруженных телегах. Чем ближе к Казани, тем раненых становилось больше.

Вечерело. Лошади, не обращая внимания на понукание, еле двигались. Юрша велел своим спутникам становиться на ночлег, хотя следовало бы проехать еще верст десять-пятнадцать, чтоб на завтра добраться до Казани.

Они расположились на песчаном берегу Волги недалеко от деревушки, спрятавшейся за высоким тыном. Немного ниже по течению реки раньше причалили с десятков стругов. Люди с них рассыпались по берегу, разожгли костры, готовили варево. Между деревушкой и лесом виднелись кладбищенские кресты. Там собралась толпа селян и воев, среди них выделялись синие кафтаны-терлики стрельцов из Большого полка.

Подготовка к ночлегу шла по раз заведенному правилу. Каждый стрелец знал свое дело: кто рубил лапник для постелей, кто собирал сушняк для костров, а Аким, расседлав коня, принялся готовить ужин. Однако вскоре это нехитрое занятие он поручил стрельцу Захарию, а сам, испросив разрешение у Юрши, отправился на кладбище. Оттуда он вернулся со стрельцом, правая рука которого была на перевязи, а голова замотана серой тряпкой. Юрша узнал в нем соседа по Стрелецкой слободе Федота.

Аким пояснил:

– Тут они хоронили троих преставившихся.

– Счастливые эти, – торопливо добавил Федот. – Мы от Казани четыре дня плывем. Восьмерых до этого так, на бережку закопали. А тут, вишь, с попом, с молитвой, как положено.

– Тебя давно ранили? – поинтересовался Юрша.

– Меня-то? Девять ден тому, в день мучеников Михаила и Федора как раз. Заутрени у нас была, а потом большой воевода наши две сотни в помощь князю Пронскому послал. В его прясле, вишь, пушкар пролом сделали. Люди князя туда сунулись, а казанцы не отступили, так их встретили! Ну, мы, известно дело, пищали, ручницы на телеги бросили, лестницы взяли и пошли. Что у стен творилось, батюшки! Кругом стоны, крики, ругань, не приведи Господи. Там к стенам лестниц множество приставлено, по ним вои лезут, а татары кипятком льют, камни сбрасывают, стрелы пускают. Ров мертвыми телами уже забит. Подвели нас сотники к пролому в стене у воротной башни и приказали лезть. Пролом здоровый – пара троек въедет, да высоко

до него, побольше сажени. Полезли, прикрылись щитами. Не помню как, но в пролом влез вместе с товарищами. Однако ж тут казанцы навалились с новой силой. Меня, вишь, по голове стукнули. Ну, я грохнулся со стены, на тела падал, потому и жив остался, только руку сломал да ногу вывихнул. До вечера лежал во рву, на меня другие падали. А ночью очухался, к своим приполз.

– Когда от Казани уходили, слышали, как там дела?

– А как же! Уж в одной башне наши засели. Розмыслы подкопы делают, в иных местах стены порушили. И опять же наш поп Серафим в проповеди сказывал: государю нашему Иоанну Васильевичу сила невиданная от Господа дадена. Как он подъедет да взглянет своим огненным взглядом, татары так со стен и сыпаются! Так что не за горами ликование земли Русской! Может, уж сегодня осилили наши тех агарян!

В тот вечер засиделся стрелец Федот у земляков. Расскажам его конца не было...

2

Казанскую крепость Юрша увидел версты за две, когда въехал на холм; над ней до самых облаков поднимались клубы дыма, иссиня-черного в лучах заходящего солнца. Сквозь темную мглу еле просматривались закопченные минареты и купола мечетей. Массивные дубовые стены во многих местах были разрушены, обожжены огнем, почернели от горячей смолы, которую казанцы лили на головы осаждающим. А сами стены опоясаны шанцами да тынами, за которыми прячутся русские вои. А в иных местах за рядами туров¹ – батареи пушечные да мортирные, дымящиеся от непрерывной пальбы. Грохот и рев их разносился далеко окрест. А осажденная крепость молчала, лишь изредка на стенах вспыхивали облачка ответных выстрелов.

Юрша поскакал дальше мимо станов многочисленных отрядов. Еще засветло он подъехал к небольшому холму, на котором стоял шатер царя. Неподалеку от него разместилась походная церквушка и теснились палатки ближайших людей. Холм был за пределами досягаемости орудийного и пищального огня со стороны крепости. Кроме того, он был окружен деревянными щитами гуляй-города, около которых стояли отряды воев царева полка.

Здесь Юршу остановили стражники, проводили к старшему, а тот к дьяку, ведающему царским приемом. И, как нарочно, ни одного знакомого, который мог бы ускорить встречу с царем. Особенно Юршу возмутило то, что от него потребовали сдать оружие, саблю и нож, будто он простой проситель, а не царский гонец. Дьяк объяснил всем ожидающим, что государь с князьями и воеводами в церкви службу справляет, Бога молят о даровании победы.

Выдалась свободная минута, и Юрша огляделся. Перед ним развернулась большая вытоптанная луговина с врытыми столбами коновязей, за которыми стояли сотни коней в дорогой верховой сбруе. Тут же толпились коневоды, стремянные, другие слуги князей и воевод. Среди них шныряли лотошники со всякой заманчивой снедью. Несколько в стороне ожидали гонцы из разных мест. Они отличались от других запыленными, помятыми кафтанами, изможденными лицами, были молчаливы и сосредоточены – им надлежало предстать перед грозными царевы очи. А известно – за худые вести награды не жди.

Воины и слуги воевод, наоборот, были говорливы. Они сбивались группами, их приглушенный разговор гудел над луговиной и дополнял грохот, несшийся от крепостных стен. Юрша пошел от одной группы к другой. Вот белобрысый верзила в расстегнутом куюке, возбужденный тем, что слушают его, хрипел простуженным голосом:

– ...Туры у самых ворот стоят, у Арских. Мы щиты пододвинули, за ними спрятались, ждем. Князь Михаил с коня сошел, вместе с воями, теснота, саблю не вынешь. Вдруг кто-

¹ *Туры* – плетеные корзинки без дна, засыпанные землей и камнями, служили для защиты от пуль и стрел неприятелей пеших воев и артиллеристов с пушками.

то крикнул: «Готовсь!» Огневого дела мастера от ворот под туры откатились. Как бабахнет! Огненный столб в воротах на десять сажений! У ворот татар много стояло, а тут полетели кто куда!..

Кто-то не выдержал, перебил рассказчика:

– А я слышал: государь подъехал к вратам, они сами рассыпались, а поганые разбежались!

На него зашикали:

– Не лезь! Тебя не спрашивают! Тут человек в самом пекле был!

– Я как видел, так и рассказываю. А у нас что было! Опомнились татары и полезли со всех сторон. И бабы и ребятишки, с кольем, с дубьем, с ятаганами. Мы вокруг князя стеной стали, легко отбились. А многие, которые отделились и начали по саклям ихнее добришко промышлять, всех похерили... Потом нам приказали отходить – другие ворота, мол, крепко держатся. Так и отступили ни с чем... Нашего брата полегло! Вырвались только потому, что ворота Арские и стены рядом за нами остались, и наши со стен стрелами и огнем помогли...

Юрша отошел к другой группе. Тут широкобородый дядя степенно повествовал, как делали подкоп под татарский тайный источник воды. А рядом курчавый парень в кольчуге расписывал лихость воев князя Горбатого, которые налетом с ходу взяли татарский острог на Арском поле, тем самым открыли дорогу на реку Каму.

Много чего услышал Юрша и досадовал, что ничего сам не видел, с татарами не бился, а разъезжал... Узнал, что сегодня вообще боя не было, только пушкари пугают татар. По приказу государя во всех полках попы да монахи воинов исповедуют и причащают. А воеводы большие и малые вместе с государем тут в царевой церкви службу стоят. Завтра, говорят, большого боя тоже не будет, – праздник Покрова Богородицы.

Вдруг на холме вокруг церкви люди зашевелились, забегали. Царев шатер засветился изнутри. На луговине кучки людей рассыпались, слуги разбежались по своим местам. Юрша увидел, как государь с воеводами в сопровождении факельщиков прошел в шатер. Вскоре князь вышли из шатра, им подвели коней, и луговина опустела. Еще прошло немного времени, из шатра вышел дьяк и объявил, каким гонцам идти к Адашеву, кому к князю Воротынскому. К царю допустил троих гонцов, первым – Юрия Монастырского.

3

Сени шатра освещались чадящими плошками с салом, царева половина – свечами. Иван, положив голову на руку, полулежал на скамье, накрытой медвежьей шкурой. Спиридон поправил шубу, накинутую на ноги царя, и застыл позади скамьи. В головах стоял священник высокого роста, скуфейкой упираясь в обвисшее полотно шатра.

Юрша низко поклонился и, выпрямившись, замер, слегка склонив голову. Иван, казалось, дремал. Трехмесячный поход не прошел для него даром. Лицо похудело, нос заострился и заметнее стала на нем горбинка. Борода посветлела, должно быть, выгорела на солнце.

Молчание затянулось. Спиридон, наверное, подумал, что царь уснул, и начал его слегка обмахивать цветной шириной. Тишина нарушалась только потрескиванием свечей, да за стенами шатра далеким громом незатихающей стрельбы.

Неожиданно Иван спросил громко, не открывая глаз:

– Вора рязанского в монастырь доставил?

Юрша вздрогнул от неожиданности: после дальней дороги теплая тишина на него навела дрему. Он давно обдумал, что сказать царю, а тут растерялся на мгновение.

– Доставил, государь... Но потом лихо стряслось.

– Какое?

– Оставил я князя игумену, отцу Панкратию. А сам в Кирилло-Белозерское подворье на отдых встал. Потом страшное известие пришло: князь Михаил на себя руки наложил! – Юрша

посмотрел на царя. Иван не изменил позы, только открыл глаза. Юрша продолжал: – Вернулся я в Ферапонтьеву обитель, а князя уже похоронили. Пошел в его келью: крюк, на коем якобы повесился он, мне не достать, а князь ниже меня ростом был. Монахов поспрашивал, никто за ним ничего в тот вечер не заметил. Дядька его слезы льет, слова вымолвить не может. Выходит, великий грех в монастыре произошел – лихие люди блаженного жизни лишили!

– Подозреваешь кого?

– Подозреваю, государь. Сопровождал нас Мирон, полусотник стражи Разбойного приказа. Когда я уехал в Кириллов, он остался в Ферапонтове, а в ночь гибели князя уехал в Москву. Я нагнал его и грех на душу принял: пытал его. Мирон сознался, что погубили князя его люди по приказу боярина Ногтева. А Ногтев будто выполнял твою волю.

– Ловок ты, смотрю. С пристрастием пытал?

– Нет, припугнул лишь. Прости, государь.

– Бог простит. И ты его брехне поверил?

– Поверил, что его люди кончили князя. Но не верю, что по твоей воле.

– Полусотник жив остался?

– Жив. Испугом отделался.

– Как ты мыслишь, слуга мой верный, коли Мокруша не слегка, а как следует его попугает, Мирон повторит свою брехню? А? – Юрша замаялся с ответом. Иван довольно улыбнулся. – Вот то-то! Знаешь, что не повторит. Так почему ты ему поверил? Вот то-то. А игумен ферапонтовский что тебе сказал?

– Твердил одно: «Живот наш в руце Господне. Не один волос не упадет с головы без воли Его! И не в нашей воле понять промысел Господен».

– Правильно говорил святой отец. Тебе не мешало бы послушаться его. А ты, вишь, людей государевых пытать начал! Но содеянного не воротишь. – Иван высвободил ноги из-под шубы и сел на лавке. – Спирька, сказывали, тут гонец от Ногтева ждет, давай его сюда. А ты, Юрша, послушай.

Скоро перед Иваном согнулся в низком поклоне худощавый юноша. Царь нетерпеливо потребовал:

– Давай письмо.

– Письма нет, государь. Боярин сказал: потом будет. А меня со своим словом послал.

– Говори слово боярина.

– Великий государь наш Иоанн Васильевич! Спешу сказать тебе: тать татей Мишка Рязанский в Ферапонтов монастырь доставлен. Два дня не пробыл там, заскучал, загорался. А ночью в келье наложил на себя руки, повесился. Собаке – собачья смерть. Однако же сотник твой Монастырский поднял в обители переполох. Называл татя князем. Кричал, что его извели вороги. Потом сам аки тать напал на моего полусотника Мирошку Бляхина, пытал его, требовал сознаться, будто мои люди прикончили вора того. Этот самый сотник Монастырский побоялся ехать через Москву. Пошел кружным путем и утек от моих стражников. Спешно шлю к тебе гонца, быю челом, прошу примерно наказать самовольщика, поднявшего руку на моего человека. Желаю тебе много лет здравствовать на страх врагам. Твой верный раб, боярин Егорка Ногтев. – Гонец замолк.

Иван развеселился, с полуулыбкой кивнул Юрше:

– Слыхал, сотник?!

– Навет, государь! В истинности своих слов поклясться готов.

– Не спеши клясться. Лучше скажи: кому я должен больше верить: боярину, доверенному своему, или сотнику безродному? А? Молчишь?!

– Государь! Я ли не служил тебе верой и правдой?! Живота своего не жалел. Как же теперь быть, ежели не хочешь мне верить? Раз не веришь, не могу служить тебе! Прикажи казнить, другого исхода не вижу.

Эти слова, неожиданно вырвавшиеся у Юрши, видать, нашли отклик в душе царя. Иван встал, прошелся по шатру и остановился перед гонцом из Разбойного приказа:

– Иди отдыхай. Спирька, скажи там, чтоб накормили и спать уложили.

Повернувшись к Юрше, устремил на него свой испепеляющий взгляд:

– Я сам решаю, кого казнить, кого миловать! Знаю, ты верный слуга, но перестарался. На этот раз прощаю. – Иван отошел, сел на скамью. – Ответь мне, Юрша: Мишка – тать?

– Тать, государь. Был татем, а стал малоумным, взрослым ребенком по разуму.

– Другой раз малоумный опаснее умного, ибо не ведает, что творит. Вот ты привез его в Москву. А окажись он в Литве? Великий князь! В Московии два великих князя! Врагам не важно, самозванец он или истинный, умен аль дурак. Важно воспользоваться его именем, посеять сомнения, вызвать свару. Развязать братоубийственную резню! Так может ли такой человек, изверг, посланник сатаны остаться в живых?.. Молчишь?.. А Мишка истинно посланник сатаны. Дурак, ты говоришь, а в доверие втерся к царице и к братцу моему. Потому что лукавый ему помогал. Да и тебя, лучшего моего воя, обошел: вон как защищаешь его! Знай, умному дурачком легче прикинуться, чем наоборот. Притворствовал он с помощью нечистого, нечистый и взял его. А как ему везло – без помощи лукавого тут не обошлось...

Полупризнание царя в смерти Михаила застало Юршу врасплох, он побледнел. Эту бледность заметил Иван, и вдруг его взяло сомнение: кому он говорит все это? Что за человек перед ним? Ведь этому подкидышу тоже везет несказанно! Что ни прикажешь – выполнит! Ловкость нечеловеческая!.. Может, и тут не обходится без вражьей силы?! Дьявол к нему, к царю, подкрался, свои сети вокруг плетет! Свят, свят, свят!

Иван испугался своих мыслей, перекрестился. Что же теперь делать с сотником? Одно ему стало ясно: держать его около себя нельзя. В растерянности спросил:

– Может, чего сказать хочешь?

– Нет, государь... Устал я дуже.

– Ладно... Ступай отдыхай. В нашем стрелецком полку тебя сотня ждет. – И подумал, глядя Юрше вслед: «При случае пошлю в самое пекло. Останется невредим, значит, и впрямь дьявол бережет». Иван еще раз истово перекрестился.

За всю свою жизнь Юрша не ощущал такой усталости и нерешительности, как сейчас. Он, еле волоча ноги, дотащился до коновязи и, прислонившись к поперечному бревну, задумался... Значит, государь приказал убить безумного Михаила за то, что тот назвался рязанским князем?.. А если он узнает, что рядом есть еще один?.. Почему он так страшно поглядел в его сторону? Может, и впрямь умеет в душу заглядывать?!

По спине пробежал холодок, он невольно оглянулся... Верстах в двух бледное зарево освещало стены крепости, метались красноватые сполохи пушечных выстрелов, вызывавших многоголосое эхо. И костры, костры, ближние огромные, будто пожары, и далекие, как россыпи созвездий... Кругом люди, а Юрша почувствовал безнадежное одиночество. Аким на Волге, приедет утром, тут – ни одного близкого человека, даже конь чужой! Впотьмах ощупал седло стоящего рядом коня, дальше все делал машинально, заученно: подтянул подпруги, повел коня на водопой и решил свою сотню не искать. Получив у стражников оружие, спросил дьяка, где тысяча Дмитрия тульского. Дьяк развел руками:

– Тут столько тысяч! Я не ведаю, где какая.

– Ну а полк, где князь Курбский? – допытывался Юрша.

– Этот далеко, по ту сторону Казанки... Постой, сам князь Андрей Михайлович тут, у Адашева. Вон у коновязи его кони.

Вскоре пришел князь, узнал государева гонца и взял его в свой стан.

Возле шатра князя Курбского сидели и полулежали на кошмах несколько начальных людей. Небольшой костер освещал уставшие лица, у многих из-под шлемов и бармиц белели холщовые повязки. Когда Курбский на коне вынырнул из темноты, все поднялись. Князь спешился и попросил напиться. Пожилой сотник с рукой на ременной перевязи принялся рассказывать о чем-то, но Юрша не слушал. Он еще искал знакомых и вот в неровном свете костра, к великой радости, увидел княжича Федора. Поспешно привязав коня, подошел к нему, они обнялись, но поговорить не успели. Раздался громкий голос Курбского:

– Други! Государь повелел идти на большой приступ послезавтра, в воскресенье. Нам брать Елбугины врата и соседние прясла полуночной стороны Кремля. Мы с первым воеводой держали совет. Порешили так: на стены пойдем двумя волнами, первую поведу я, вторую – князь Роман Курбский. От луговых черемисов оберегать нас будут запасные сотни. Какая сотня в какой волне пойдет, скажу потом. Завтра же, в праздник Покрова Пресвятой Богородицы, вою надлежит исповедоваться и причаститься у священнослужителей. – Немного помедлив, Курбский продолжал: – Пусть помнит всяк: на стены Казани пойдут полки со всех сторон. Наш полк правой руки – на северную стену, сторожевой и левой руки полки – на западную.

Большой полк будет брать южную, а с восхода – передовой. От Булака и с Арской стороны минеры ведут подкопы под стены, в каждый подкоп будет заложено полста бочек зелья огненного. Против такой силы не сдюжат стены дубовые. Все это должны знать ваши вои и верить в победу!..

Молча разошлись начальные люди. Только Федор был оживленнее других. За разговором Юрша и не заметил дороги, как они добрались до его стана, что находился неподалеку от княжеского шатра. Луговина, где стояла тысяча Дмитрия, поднималась невысоким холмом, заросшим кустарником. Здесь под копытами перестало чавкать, и костры жались один к другому. Федор сказал, что их просто заливают дожди, что не хватает кормов, и о многом другом говорил княжич. Оказывается, он тут за тысячника Дмитрия – тот был ранен, теперь, слава богу, поправляется. Боярин Афанасий, брат Таисии, со своей сборной казачьей тысячей стоит где-то около Булака, а Большешап – на Арском поле. Перебрал княжич всех знакомых по тульскому делу. В свою очередь, Юрша поведал, как отвез самозванца в монастырь, а вот о том, что убит он, умолчал... После доклада царю понял, что открыть свою душу, освободиться от тяжести, которая давит его, он может только Акиму и больше никому. Даже завтра на исповеди умолчит обо всем, возьмет грех на свою душу!

Ночевали они в разных местах: Федор в шатре тысячника, а Юрша в шалаше сотника. Утром, поняв, что у друга своих забот неупроорот, он собрался отъехать. Федор остановил его:

– Ныне просто так ехать нельзя, стражники вылавливают одиночных воев и жестоко наказывают.

– И сотников?! – изумился Юрша.

– И даже тысячников, ежели они без дружины, – подтвердил Федор.

– Но к чему такие строгости?!

– Очень просто. Государевы войска замкнули кольцо вокруг града еще на Отдание Успения, более месяца назад, а все равно казанцы сообщались с полевыми ордами Япанчи-князя. Сперва думали: может, сигналы со стен подают, а потом узнали другое – татары под стенами норы нарыли, ночами выбирались, резали, душили наших, переодевались в русское платье и незаметно пробирались в леса, где скрывается Япанча. После этого стало строго, установили разъезды. Потому дали тебе десяток воев. Так-то вернее будет...

Двигались медленно. На радость Юрши, появился знакомец: разъезд сопровождал еще двоих, купца с товарами и подь-я-чего с большим свертком бумаг. Так вот этот подьячий и заговорил с ним:

– Случаем тебя, сотник, не Юрием Васильевичем звать?

– Юрием. Откуда знаешь?

– Я – подьячий у воеводы Шереметева, Онисим. Твоя сотня с нами из Коломны выходила.

– Помню, тогда ты чертеж дороги показывал.

– Я и сейчас при чертеже. Вот в этом свитке – Казань и ее округа. Адашев потребовал...

Они ехали по берегу Казанки саженьях в полутораста от крепости. Тут грохот пушечный затих на минуту, и явственно стали слышны за стенами казанскими барабанный бой, звон бубнов и голоса, а над стенами заплескались зеленые знамена. Юрша, недоумевая, спросил:

– Кажись, вылазка!

– Не, – отозвался Онисим. – Это они дождь вызывают. Как погода развидняется, так начинают своих демонов об дожде молить. И действует. Вон смотри, с утра совсем развёдрилось, а принялись они беситься, опять небеса затянуло, вот-вот закапает. У нас тут сплошные дожди, не просыхает. А им выгодно. Дождевую воду собирают и пьют. А то наши минеры взорвали ихний водопой две седмицы назад. Нам же здорово мешает дождь, чуть недосмотрел, порох подмок, бочку выбрасывай! Да и люди не просыхают.

Тем временем они переехали Казанку по наплавному мосту и стали двигаться вдоль Булака. Вчера ночью тут были видны только россыпи костров, а сейчас в шанцах-окопах шли последние приготовления к завтрашнему штурму – вои под прикрытием стенки, составленной из высоких туров, готовили лестницы, осадные фашины, запасались порохом и пулями для фузей, точили бердыши и сабли... Осадный наряд продолжал метать ядра в стены крепости, кои во многих местах обгорели и порушились, из них высыпалась земля, обнаруживая второй, внутренний ряд вертикально стоящих дубовых бревен. Рослые пушкарки и их помощники с чумазыми от пороховой гари лицами сустились возле своих огнедышащих пищалей, гулкие голоса которых заглушали говор и крики людей, ржание лошадей, звуки сигнальных труб.

Подьячий Онисим, ехавший рядом, тронул Юршу за локоть:

– Зри, сотник, – вон пищаль великая, «инрогом» зовомая. У нее ствол длиной более шести аршин. А ядра кидает тягости немалой – аж до двух пудов!

Пушкарки закончили подготовку выстрела и бегом в ближний окоп. Лишь один с бородой лопатой канонир с жагрой – горящим фитилем на длинном древке – остался у громадной пищали. Вот он приложил фитиль к запальному отверстию, а сам отскочил в окоп. Через мгновение пищаль рявкнула громовым голосом, перекрыв рев всех других пушек. Огонь и дым вырвались из ее ствола, а неподъемное ядро, описав пологую дугу, ударило в крепостную стену, размочалив в щепу дубовые бревна. Стрельцы, лучники, люди посохи, оторвавшиеся на миг от своих дел при грохоте мощного выстрела, восторженно завопили: «Ура!» Еле сдержался, чтобы не закричать, и сам сотник Монастырский.

Тут группа стала забирать вправо, к цареву стану. Юрша заметил, что появилось множество парных всадников с красными флажками на поднятых копьях. Онисим пояснил:

– Теперь так гонцы ездят, чтобы издали видно было. Чего-то их густо погнали!

Вскоре забили барабаны, загудели трубы. Сразу затихли пушки и пищали, с русской стороны закричали что-то по-татарски. Онисим перевел:

– Сейчас государево слово казанцам говорить будут. Царя Едигира вызывают.

Слово услышать не удалось, сопровождавший их разъезд заторопился и погнал коней от Булака к ручью Ичке в объезд скопления войск. Только вечером Юрша узнал, что Иван выслал громкоголосых бирючей, говорящих по-татарски. Казанцам было предложено не проливать кровь людскую, выдать изменников и покончить миром. Но они дружно ответили: «Или все померем, или отсидимся!»

Без особых приключений добрались до царева стана. Онисим отправился в шатер Адашева, а Юрша – в свой полк. Младший стрелецкий голова, встретив его, перекрестился:

– Слава тебе, Господи! А мы тебя хватились. Твой Аким хоть в пору к воеводе с повинной – сотник пропал!

– Аким приехал? – обрадовался Юрша.

– А куда он денется? Вот где ты пропадал? Рассказывай.

Юрша кратко поведал о ночном путешествии и побежал к Акиму. Показалось, год не виделся с ним.

5

С первого на второе октября, в последнюю ночь перед большим приступом, не все вои отдыхали, несколько сотен скрытно продолжали работать в подкопах. На многие десятки саженей тянулись подземные хода; по ним и денно и ночно, согнувшись в три погибели, теньями двигались вои, волочившие за собой подкопные кади – деревянные корыта с пологими торцами; из-под земли тащили выкопанный грунт, обратно – крепежный лес.

Подкопы продвигались медленно, мешали то возникшие огромные камни, которые приходилось обходить, не теряя общего направления, то вдруг прорывались потоки воды, которые перекрывались щитами, обитыми конскими шкурами, или отводились в специально вырытые глубокие колодцы.

К решающей ночи были готовы два подкопа. Один из них начинался в овражке на Арском поле и заканчивался каморой – расширенной пещерой – под крепостной стеной недалеко от Царевых ворот. Второй от берега Булака уходил под стену близ Аталыковых ворот. В камору этого подкопа к полночи заложили без малого полусотню двухпудовых бочек с порохом. Бочки были сложены до самого потолка трехрядной пирамидой. Верхний ряд бочек прикрывали овчины от капель, сочившихся с потолка.

Узкое пространство между бочками и стеной каморы тускло освещалось фонарем со слюдяными окошками. Фонарь стоял в небольшой печуре – углубление в стене, рядом – плошка с запальной свечой. Под печурой на грубо сколоченной скамье дремали канониры Петр и Сысой, своим обличем похожие на обитателей преисподней: отросшие, взлохмаченные волосы в песке и глине, на теле – всего укороченные порты, потерявшие естественный цвет от грязи, и раскисшие лапти на голую ногу, на плечи накинуты овчины шерстью вверх. Они спокойно дремали, а через два-три часа кто-то из них, рискуя жизнью, будет подрывать эту страшную мину.

В углу каморы за бочками что-то зашуршало. Петр поднял голову и открыл глаза, Сысой встрепенулся и предположил:

– Никак крысы?

– Откуда они тут, – отозвался Петр.

Шорох послышался явственнее. Петр протиснулся между бочками и стеной, опустился на колени, приложил ухо к нижней части стены и услышал, что здесь, рядом, скребли землю. Он поманил Сысою, стали слушать вдвоем: землю ссыпали во что-то гулкое, может быть, в тонкостенную кадь, потом поволокли ее, и шуршание затихло. Вслушивались в тишину долго... вернулись на скамью.

– Рокот? – испуганно шепотом спросил Сысой.

– Видать, что-то пронюхали.

– Что делать?

Петр не ответил, дотронулся пальцем до губ...

И вот опять зашуршало. Оба протиснулись в угол и замерли. Теперь, кроме шуршания, услышали невнятный разговор. Когда татары утащили нагруженную землей кадью, Петр отошел к выходу из каморы и тихо сказал Сысою:

– Ты понял: ищут нас. Беги, сломя голову беги к розмыслам и скажи: не ровен час, найдут камору, что делать? Палатка их на том берегу Булака, с версту от нас. Хорошо, ежели б услышал тебя Иван Григорич, он меня знает и поверит. Беги! В шалаше возьми рубаху, прикройся. С Богом.

– Постой, Петро. Побежишь, стражники схватят!

– Именем государя припугни. А лучше – не попадайся. Тут недалеко, кустарником пробежишь подальше от костров.

Петр не мог сообразить, сколько времени прошло, как остался один. Пять раз приходили и утаскивали землю татарские землекопы. Понял – они рыли на большей глубине, чем пол каморы. Но тревога не проходила: вдруг Сысою не поверят розмыслы! А татары все ж могут наткнуться на подкоп. Что делать? Биться с ними? Или подрывать мину и гибнуть тут?!. Когда услышал шаги в подземном ходе и увидел отсветы фонаря, перекрестился.

Первым вошел в камору Иван Григорьевич Выродков – дьяк, ведающий подкопами, за ним – иноземный розмысл. Дьяк был чуть ли не на голову выше розмысла, и ему трудно достался подземный ход. Войдя в камору, он выпрямился во весь рост, расправил плечи и громко вздохнул. На низкий поклон Петра, слегка кивнув, глухо спросил:

– Ну, где татары?

– Землю поволокли, сейчас придут.

Прошло сколько-то времени, татары не возвращались. Подождали еще. Выродков резко повернулся к Петру:

– Так, может, татары приснились тебе?

От слов дьяка у Петра похолодело в груди, но ответил с достоинством:

– Не спал я, Иван Григорьевич. Биться с ними готовился, а стали б одолевать, сунул бы фонарь в бочку. Чу!..

Татары пришли и занялись своим делом. Выродков приложился к стене, Петр подал ему овчину, тот встал на колени. Розмысл нагнулся над ним. Когда татары утащили землю, дьяк спросил, что думает розмысл. Тот уверенно ответил:

– Местоположение нашей мины татарам известно. Ошибка контргалереи – полсажени.

Дьяк сделал вид, что сомневается:

– А может, татары воду ищут?

– Искать воду в полсажени от нашей мины? Таких совпадений не бывает. Татары знают, что родники и ключи не здесь, а по берегу Казанки. Нот, они ищут нас.

– Но почему так лениво работают?

– Не лениво, Иван Григорьевич. Они сразу роют много прямых галерей, вот так. – Розмысл показал на пальцы раскрытой ладони. – Потом начнут соединять галереи и простукивать, тогда обнаружат нас.

– Выходит: пора поднимать воев?

– Да, нужно.

– Добро! Идем до князя Воротынского.

Беседу прервал шепот Петра – пришли татары... Когда они ушли, Выродков подозвал Петра и Сысою:

– Мы идем к воеводе. Пришлю гонца, он скажет, когда зажигать запальную свечу. Ежели до этого наткнутся на вас татары, взрывайте мину. Ты, Петро, хотел сунуть фонарь в бочку. Это просто, живым остаться – труднее. У вас доски есть?

– Вон в углу, от потолка остались.

– Так вот делайте так: загодя выстелите доски, сажени две-три, протрите досуха. Приготовьте зелья несколько совков. Когда татары наткнутся на вас и загальдят, один насыпает на доски дорожку пороха, другой ждет и ударит первого, кто полезет. И уходите, последний поджигает пороховую дорожку. Жизнь и слава ваша в руке Господней.

В ночь перед общим приступом государь не мог уснуть. С вечера он беседовал с протоиереем Андреем, но успокоение не пришло. Потом долго маялся на жестком ложе. Со зла ударил Спиридона, который осмелился задремать, стоя на коленях около царя.

Часа в два пополудни приказал будить священнослужителей и пошел в походную церковь, что рядом с его шатром. Отблески свечей и лампад в камнях и золотых окладах икон и старинных складней, тихое чтение Священного Писания сказали ему о близости Бога, который не оставит его Своей милостью, дарует победу над неверными. Под такой защитой царь почувствовал себя уверенней; он оглядел тех, кто в любой час ночи готов вместе с ним вознести моления о победе, и его вновь охватило беспокойство: рядом находился только князь Владимир Андреевич да два стражника, коим положено повсюду следовать за ним. Вон еще кто-то вошел, но мало, мало! Ни одного большого воеводы! Робкую мысль, что воям перед боем нужен отдых, он тотчас отбросил – только Всевышний решает, кому даровать победу! Иван простер руки к образу Спасителя и, громко зарыдав, упал на колени...

Князь Михаил Воротынский и Адашев, войдя в полотняную церковь, увидели всех стоящими на коленях, опустили и сами. Моление продолжалось томительно долго. Не дождав-шись его конца, Воротынский наклонился к Ивану и громким шепотом сказал, что подкоп обнаружен врагом. Иван задержал задрожавшую руку у лба, не закончив крестное знамение, растерянно взглянул на князя и Адашева.

– Нужно, государь, начинать, – продолжал шептать Воротынский. – Прикажи идти на приступ, не дожидаясь рассвета.

Адашев добавил:

– Возможно, придется рвать подкоп до подхода полков...

– Да, да! – вскрикнул Иван, замахав руками. – Поднимайте! Бегите! О Господи! Услышь мя!.. – Иван продолжал молиться с каким-то ожесточением.

Воротынский и Адашев, переглянувшись, пожали плечами и покинули церковь.

6

Утро воскресенья 2 октября выдалось серым. Плотный туман, смешанный с дымом пожара и костров, осел в поймы Казанки и Булака, за две сажени ничего не видно. Зато хорошо слышно, как рушат пушки крепостные стены: пушки бьют отрывисто, резко, до боли в ушах, а звуки ответных выстрелов с той стороны приходят раскатистыми, будто там разрывают крепкую посконину... А вот прошел невидимый пеший отряд – звон доспехов, неясный говор, выкрики сотников...

На рысях пронеслась конница, – тысяча, не меньше – все занимали назначенные им места для штурма.

Государев полк становился на ручье Нижний Ичке. Тысяча конных стрельцов находилась в общем строю. Сотня Юрши стояла второй слева. Вои каждого десятка конь за конем, впередидесятники. Перед ними два полусотника, между ними Юрша – сотник. Рядом копыеносец со значком и Аким как стремянный.

Все в ожидании начала приступа...

Петр и Сысой ждали гонца...

Тишина. Перестали копать и татары. Сысой выходил из подземелья. Вернувшись, рассказывал:

– Небо будто посветлело. Кругом туман. Слышно, идут вои, скачут вершники. Пищали палят пореже. – Потом, вздохнув, добавил: – А на воде дышится легче, хоть и пахнет дымом. А тут...

Петр согласился:

– Верно, в груди тяжело. Смотри, сколько зелья, а оно тоже дышит. Скорей бы... Помыться охота. Сейчас в баньку бы! Весь день с полки не слез бы... Кто-то идет!

Послышалось шевеление и шлепанье, из темного лаза показался вой наружной охраны. Он хотел сказать и закашлялся. Сысой не выдержал:

– Чего перхаешь? Что там?

– Гонец... Палить сказал.

– А где он сам?

– Ускакал.

Петр поднялся со скамьи и, вздохнув, вымолвил:

– Вот наше время пришло. Начнем благословясь.

Кашляющего воя след простыл.

Петр сдвинул в сторону слюдяное окошко, от фитиля фонаря зажег запальную свечу, закрепил ее в плошке. Сысой, следивший за его действиями, сказал:

– Петро, давай я сам запал поставлю. У тебя руки трясутся.

Петр повысил голос:

– Ступай отсель! У тебя дети малые, а я – бобыль. Иди...

Сысой некоторое время постоял в стороне, потом молча ушел. Петр заученно читал молитву:

– «Отче наш. Иже еси на Небесах! Да святится имя Твое, да приидет Царствие Твое...»

А все внимание сосредоточил на своих руках. Он из близстоящей бочки, приподняв овчину, зачерпнул совком порох и, повернувшись к печуре, стал сыпать порох на плошку.

– «...да будет воля Твоя, яко на Небеси и на земле».

Несколько пылинок вспыхнули звездочками в пламени свечи, но насыпанный порох не загорелся.

– «Хлеб наш насущный даждь нам днесь, и остави нам долги наши...»

Пошел, неся впереди себя плошку с порохом и горящей свечой. В отклонившемся пламени еще зажглись и потухли звездочки.

– «...якоже и мы оставляем должником нашим...»

Около бочки он перевел дух.

– «...и не введи нас во искушение...»

Сдвинув овчину, поставил плошку на серую массу, ощутив ладонями холодок. Подгреб, соединив порох бочки с порохом в плошке.

– «...но избави нас...»

Пламя свечи вспыхнуло – попала большая пылинка, еще одна. Вот яркая звездочка из пламени свечи падает вниз... Петр закрыл глаза...

– «...но избави нас от лукавого».

...Но взрыва нет! Открыл глаза: спокойно горит пламя свечи. Попятился, хотел уходить, но тут услышал громкий шорох прямо за стеной и голоса татар. Теперь он не мог уйти! Сейчас татары влезут и потушат свечу. Взяв заступ, протискался к тому месту, откуда слышался разговор. Там не копали, а стучали какой-то колотушкой и прислушивались, потом опять загладели. Понял, что они подкоп не обнаружили – принялись колотить в другом месте. И тут его взгляд упал на свечу: между пламенем и порохом – только оранжевая капля растаявшего воска! Крадучись, прижимаясь к стене, чтобы не шелохнуть пламя свечи, Петр, захватив фонарь, выбрался из каморы и, пригнувшись, побежал к выходу, ежесекундно ожидая испепеляющего толчка в спину...

Войска давно подготовились к приступу, однако ожидание затягивалось. С восходом подул ветерок, туман зашевелился, уползая в низины. Стали просматриваться стены крепости. Пушечные выстрелы слышались глуше и как будто удалялись.

И вдруг сместился, рванулся воздух, вздрогнула, качнулась земля. Через остатки тумана пробилась яркая вспышка под стеной и встал огненный столб. Лошади затоптались, забеспокоились, конь даже поднялся на дыбы под Юршей. Еще не затихло эхо, как рвануло еще громче правее, на Арской стороне. Леса и холмы многократно повторили раскаты взорванных подкопов. Перекрывая все звуки и рождая новое эхо, понесся нескончаемым рев – русская рать пошла на штурм казанской крепости.

Темные массы воев втягивались в еще дымящиеся проломы. На стены, земляные валы, насыпанные осажденными, по приставным лестницам упорно лезли русские. К крепости со всех сторон двигались все новые и новые тысячи, кое-где штурмующие уже теснили казанцев, рукопашная схватка шла на стенах, в проломах. В других местах татары брали верх, наступающие горохом сыпались вниз со стен и лестниц. А в проломы стен, в разрушенные ворота бесконечной черной рекой вливались сотня за сотней – там, за стенами, шла невидимая страшная сеча.

Стрельцы царского полка с затаенным дыханием следили за кровавой битвой, на их глазах под стенами вырастали горы человеческих тел. Увлеченные страшным зрелищем, они не видели, как к стрелецкому строю подскакал гонец, остановился около Юрши:

– Сотник Монастырский! Приказано твоей сотне в пешем строю идти на помощь воеводе Дятлову. То государево повеление.

Юрша вывел сотню на свободную площадку, приказал стрельцам спешиться, взять с собой, кроме сабель, щиты, запас стрел, луки. Коней отвести в лагерь. Коневоды подхватили по десятку коней и отошли. Многие стрельцы плакали, глядя им вослед. Аким спросил:

– За что такая честь тебе? Чем не угодил государю?

– Мыслию, за то, что не за свое дело взялись, – ответил Юрша, – искали убийцу Михаила.

– Вона как... А ну, ребятки, разбирайся десятками. Пошли.

Гонец провел их по наплавному мосту через Булак, по проходу среди стенки из тур к засыпанному рву. Перед ними возвышался мало поврежденный участок стены, зато под ним дыбились наиболее высокие холмы трупов. Над головами посвистывали стрелы – то стреляли осажденные. Подошел воевода Афанасий Дятлов, кольчуга на нем порвана, шлем криво сидел на перевязанной голове, на бороде кровь. Юршу он не узнал, заорал на гонца:

– Я ж просил тысячу! А ты сколько привел?!

– Сколько дали.

Воевода зашумел было на Юршу, но тот оборвал его:

– Не о том ведешь речь, воевода! Где лестницы?!

Афанасий опешил и вдруг тихим, безнадежным голосом ответил:

– Под стенами.

– Посылай за ними людей. Да останови своих, чтоб не болтались. Пусть разбираются по десяткам.

Решительный голос Юрши воодушевил воеводу, он начал собирать воев, щедро раздавая тычки. Аким с Захарием пополнили запасы стрел и двинулись по траншее к лучникам договориться: чтоб во время атаки поддержали их стрелами.

Доставили лестницы. Юрша приказал вязать их стенкой по пять-шесть штук. Дятлову объяснил:

– Такую стенку не оттолкнешь, да и лезть по ней сразу десятку воев можно.

Как-то само собой получилось, что распоряжался он не только своей сотней, но и оставшимися сотнями воеводы. Скоро собрали шесть стенок. Юрша велел упражняться в их подъеме. Люди охотно исполняли его приказы. Но кто-то из воевод, наблюдая за ходом штурма, заметил задержку, и над Юршей вырос разгневанный всадник, видать, из княжичей. Он орал, размахивая плеткой:

– Почто толчетесь? Так вашу перетак!! Вперед!!

Юрша громко ответил:

– Учим людей. Сейчас пойдем на стену.

– Чего учить! Вперед!

– Не учась уже ходили, смотри, сколько голов положили.

– Бунтовать, сволочь! – Княжич замахнулся плеткой.

Юрша выхватил саблю и защитился ею. В руках у княжича осталось одно кнутовище, тот взбеленился:

– Ах ты, смерд! Руку на меня подымать! Люди, взять его!!

Несколько воев подбежали, чтоб защитить своего сотника. Аким встал между княжичем и Юршей:

– Княжич! Уезжай отсель! Нам сейчас на смерть идти, сам понимаешь, всякое может случиться.

Кто-то стеганул коня княжича, и тот умчался. Афанасий, оказавшийся рядом, вроде как запротестовал:

– Зря ты, Юрша, воеводу гневишь...

– А, боярич! Узнал? Здоров будь. Не вижу Ваську Блины...

– Что ему – ранили, отлеживается. Воры – никудышные вои.

– Ты ж их учил.

– Без толку учить... Чего ж тянуть, пошли. Видать, суждено тут головы сложить.

– Не то говоришь, боярич! Головы подождем складывать! Надо стену брать... Наперед пойду я со своими. А сам следи, чтоб твои не отставали. – И, повернувшись к стрелкам за турами, гаркнул: – Давай, ребята, прикрывай! – И своим: – Лестницы взяли! Вперед!

Двинулись к стене с лестничными связками, последние сажени шли по трупам. Каждую из связок волок десяток воев, за ним еще десяток для приступа, в первом ряду Юрша, Аким... Лестницы подняли на ходу, приставили к стенам, и вои принялись немедленно карабкаться по ним вверх. Из-за туров по стенам били пищали и малые пушки, стрелы пели над головами, отгоняя казанцев.

И на этот раз Юрше повезло – татарам не удалось отпихнуть связанные лестницы, из первого ряда воев-русичей они сшибли всего троих. Прикрывшись щитами, первые вои вступили на стену. Казанцы кинулись на них, но перед ними были отборные бойцы, хорошо владевшие саблями, да и отступать им некуда. И бой разгорелся с новой силой. На долю Юрши досталось двое свирепых татарских воев. С гортанными криками налетели они с двух сторон, полосую воздух страшными ятаганами, но сотник не спасовал, умело и хладнокровно действуя саблей и ножом, он расправился с ними. Рядом рубился Аким, смело бились и другие ратники, а снизу по лестницам приходили новые десятки. Еще одно усилие, два-три шага от края стены – цепь татарских бойцов разорвалась, из них кое-кто, попятившись, свалился со стены вниз.

С последним десятком воев поднялся и Афанасий. Юрша послал его управлять людьми направо, а сам двинулся по стене налево, стараясь не наступать на трупы, покрывающие верх стены. Вот он увидел, как с галереи ближней башни несколько татар пускали стрелы в спину наступающим по улицам горящего города русским. Юрша подобрал лук и стрелы убитого казанца, сделали то же еще два воя. Зазвенела тугая тетива, свистнули стрелы. На галерее двое упали, остальные бежали. Но тут появился старик в белой чалме, он не спеша посылал стрелу за стрелой. Юрша вновь прицепился, но тут почувствовал удар в правое плечо. Не понимая в чем дело, он скосил глаз и увидел в своем плече дрожащее оперение стрелы. «Ранен?! Но ведь на мне кольчуга! Видать, стрела застряла». Хотел выдернуть ее, однако правая рука не поднималась. Бросил лук, схватился за оперение левой, стрела не поддавалась. И тотчас почувствовал тупую горячую боль, почему-то не в плече, а в груди, потом в затылке...

Подбежал разгоряченный боем ратник, поддержал его. С каждым вздохом Юрше казалось, что стрела шевелится в ране. В глазах потемнело, будто опустился сумрак. Преодолевая боль, спросил:

– Тот... в чалме... Ушел?

– Не. Прикончили, – ответил ратник.

Собравшись с силой, Юрша ощупал стрелу: наконечник целиком вошел в тело, вокруг торчали острые разогнутые колечки кольчуги. Вспомнил наставления стариков: смертельную стрелу не выдергивать, с ней раненый еще потянет часок-другой. Несмертельную вынимать сразу, станет легче. Велел склонившемуся над ним ратнику:

– Подол рубахи моей... оторви... Сомни... Выдерни стрелу... – Резкая боль нахлынула горячей волной, на какой-то миг он потерял сознание. Открыв глаза, увидел в руке воя стержень стрелы без наконечника: – Эх ты!

Передохнув, просунул руку под кольчугу и окровавленную рубаху, подобрался к наконечнику – только края снаружи. Потянул – не поддается... Рванул что было силы... Потемнело в глазах, не увидел, но почувствовал: наконечник вытащен. Слава Богу! Скомканным подолом рубахи прижал рану и без сил повалился на руки воев.

...Качаются низкие облака, из них сыплется дождевая пыль.

Жив!

Рядом с лицом два шлема, справа и слева. В ногах тоже. Несут, как на носилках, на лестнице, на тонкой подстилке, спина чувствует ступеньки.

ЖИВ!

Хотел спросить, как идет штурм, но задержался в болезненном кашле, во рту появился солоноватый привкус крови. Лестницу опустили. Над ним склоняется Аким. Тоже жив! Откуда-то издали доносится его голос:

– Помолчи, помолчи, Юр Василич. Все расскажу, потерпи. Нести недалеко осталось. Взяли, ребята!

Аким держит Юршу за руку, руки его теплые, шершавые, сильные; он говорит издали:

– ...Казань взята. Слава тебе, Господи! Татары какие сдались, какие со стен попрыгали, в Казанке многие потонули. Уж пушки замолчали, сеча затихла, а наш полк все на месте. Государь сперва заутреню стоял, потом обедню, о даровании победы Господа молил. Тут к нему большие воеводы поехали, уговорили: государев полк пошел дорогу в городе расчищать. А мы своих раненых из Кремля выносили, кроме тебя, одиннадцать человек. Полегло же двадцать два, вечная память им. У боярина Афанасия десятка три погибло на этот раз... Я тебя сразу хватился, еще татары бились. Вернулся, смотрю: лежишь... Молодец, что стрелу вынул, а то б затыкнуло. Вправил я тебе кость – ключицу переломило. Деревяшку нашли, руку закрепили. Кровь долго не останавливалась... Из наших мало кому не попало, почти все окровавились. Мне левую руку осушило, еле поднимаю. Ну, ничего, до свадьбы заживет. Вот и лагерь. Сейчас тебе постельку сделаем и шалашик, а то дождь расходится... Тихо, тихо, ребята. Подержи над ним кафтан от дождя... Уснул.

Аким ни на шаг не отходил от приемного сына, чутко прислушивался к дыханию и его сонному бормотанию. Ночью Юрша начал метаться в жару, его бил кашель. Потом впал в беспокойное беспамятство. Аким, не смыкая глаз, сидел рядом, удерживал от резких движений, оберегая раненое плечо, тихим голосом успокаивал, читал молитвы. Кто-то принес калины, он надавил из нее сока и поил им.

Утром пришел тысячник, с ним незнакомый молодой воин. Тысячник расспрашивал Акима, что с Монастырским, где и как был ранен. А когда ратник ушел, пояснил:

– Это гонец от государя, приходил узнать о здоровье сотника Монастырского. Вот какой заботливый государь у нас! О простом сотнике не забыл! Дай Господи ему долгие лета! Вот

так-то. Ну, я пошел. Приказано стрельцов выводить, хоронить будем убиенных. А ты, Аким, оставайся, да и сотня ваша пускай отдыхает.

Однако мало кто остался отдыхать, все способные двигаться пошли в Казань. Вернулись к вечеру. Принесли кошмы разноцветной, ковры и множество всякого другого добра. Больных и раненых не обделили. Шалаш, где лежал Юрша, коврами завалили. Но не радовали Акима подарки: Юрша не приходил в сознание, горел огнем, пытался встать, говорил несусветное. К вечеру его начал бить озноб. Аким разделся, лег рядом, пытаясь согреть своим телом.

Три дня и три ночи жизнь боролась со смертью. В конце третьего дня Акиму показалось, что его названный сын кончается: потянулся, глубоко вздохнул. Но тут Юрша открыл глаза, улыбнулся ему и тихо попросил пить. Напившись, закрыл глаза и снова уснул, но на этот раз дышал тихо и ровно. Аким понял, что смерть ушла из шалаша, и заплакал от радости. Потом лег рядом и сам уснул богатырским сном, впервые за эти дни.

7

Который уже час царь Иван молил Господа о победе! Рядом с ним были князь Владимир Старицкий, боярин Шереметев, думные бояре и дьяки. Многие гадали, почему государь не на поле брани, почему своим присутствием не воодушевляет слабеющих? И невольно у иных закрадывалась крамольная мысль: не боится ли?!

Боже мой! Кто на войне не боится! Но каждый выполняет свой долг! Иван был уверен, что его место здесь, в часовенке, в непосредственной близости к Всевышнему. Только отсюда его молитвы достигают Неба, только отсюда его взывания доходят до Богородицы, и она, в свою очередь, умоляет Спасителя. А в таком деле, как победа над неверными, он не может ни на кого положиться. Стоит ему покинуть часовенку, священники захотят отдохнуть, перестанут возносить молитвы, Спаситель отвернется, займется другими делами, а тогда... «Господи, не оставь мя!» – Иван падает на колени и заливается горькими слезами...

Священнослужители уже валяются с ног, охрипли. Меняя друг друга, они ведут службу. Уже дважды прочитано все, что полагается произносить по поводу празднования памяти святых мучеников Киприяна и Устинии. Посовещавшись, повторили и канон службы вчерашнего праздника Покрова Пресвятой Богородицы.

После того как потрясли церковь взрывы, Иван принялся молиться еще с большим рвением... Полчаса спустя стали приносить гонцы радостные сообщения. Самих гонцов не принимал государь, их выслушивал боярин Шереметев и сообщения передавал царю. Иван на минуту отходил от духовных забот, когда Шереметев сказал, что на всех башнях развеваются русские знамена, вот только заминка у Муралеевых ворот. Иван переспросил:

– Кто там? В чем дело?

– Там казацкий сборный полк. На стену не вышли, потери понесли, воевода просит помощи.

И тут Иван что-то вспомнил и распорядился:

– Немедля туда послать сотника Монастырского с воями.

– Государь, там сотне делать нечего! – осмелился возразить боярин.

Иван зло оборвал:

– Я сказал! – И снова принялся истово молиться.

Однако воеводы хотели видеть царя. Гонец от князя Воротынского передал слово воеводы без должного почтения. Пересказывая это слово, Шереметев смягчил выражения князя. Алексей Адашев тоже шептал царю: нужно показаться воям. Тут вошел в церковь суровый, непреклонный воевода князь Александр Горбатый, снял шишак, перекрестился и хмуро сказал, вроде как потребовал:

– Великий государь! Войско русское ждет своего великого князя и царя! Да и время ввести в бой твой полк. Доспехи государю!

В сопровождении Горбатого, Адашева, всего двора Иван во главе своего полка встал перед Царскими воротами Казани. По совету князя Александра Борисовича Иван приказал ратникам спешиться. И тут произошло невероятное: из ворот крепости с паническим криком «Секут! Секут!» повалили русские вои – их преследовали татарские отряды.

Иван побледнел, мелькнула мысль: «Вот, стоило оставить церковь, и отвернулся Господь!» Он натянул было поводья, чтоб повернуть коня, но рядом Адашев, с другой стороны Горбатый преградили ему путь. А церковный причт с хоругвями и иконами вышел вперед, его стяг с изображением Иисуса вынес перед войсками – назад пути нет!

Не дожидаясь приказа царя, князь Горбатый стегнул своего коня и с криком «Вперед! Вперед!» повел половину царского полка наперерез преследователям. Те, увидев грозную рать, кинулись назад, в ворота. Отряд же князя Горбатого вслед за ними втянулся в город.

Как вскоре выяснилось, богатство казанских вельмож ослепило многих воев, и они, забыв о долге, кинулись грабить дома. Татары воспользовались этим и ударили по ним, те в панике побежали. Но князь Горбатый быстро навел порядок, и военное счастье окончательно склонилось на сторону русских ратников.

Перед воротами около царя началось молебствование. Государь принял в нем живейшее участие. Позднее он приказал на этом месте соорудить церковь в память о большой победе.

Вскоре сюда привели пленного казанского царя Едигера и его двор. А оставшееся татарское воинство решило прорваться и ударило по северным воротам. Вои князей Курбских, Андрея и Романа, приняли их первый удар. К ним присоединились вои князей Ромодановского, Хилкова, Микулинского и Глинского. Бой шел под стенами, в воротах, на берегу реки Казанки. Говорят, из всего басурманского воинства спаслось бегством не более десятка человек.

Два дня после осады хоронили убитых. Вокруг стен крепости лежали горы трупов, их хоронили во рву, где легче было копать свеженасыпанную землю. Рыли огромные братские могилы на Арском поле, укладывали в них по сорок – пятьдесят убиенных. Десятки полковых священников едва успевали обойти все могилы и отслужить краткую панихиду по вновь представившимся.

К вечеру 4 октября Иван с боярами, князьями, воеводами и высшим духовенством въехал в Казань, уже очищенную от трупов и частично освобожденную от завалов. Там он присутствовал при закладке деревянной церкви Благовещенья. Сотни воев, отложив в сторону оружие, занимались доставкой бревен к месту строительства, установкой срубов. И уже на третий день в присутствии царя состоялась первая служба в новой церкви, украшенной дорогими древними образами.

К этому времени Юрша стал поправляться. Вначале он только и делал, что, просыпаясь, ел, пил и опять засыпал. Потом начал замечать окружающих. Однажды он, прервав еду, всмотрелся в лицо Акима:

– Акимушка, что с тобой? Ты как лунь седой стал!

– Молчи, сын мой, молчи. Тебе рано говорить. Седых волос у меня и раньше хватало. Ешь кашку, ешь. Вот я молока достал, запивай. Сейчас понесем тебя. Государь баржи и струги выделил. Приказал всех раненых, убогих, немощных по домам отправлять водой. Подарками и деньгами всех оделяет. Нашу сотню не обделил, даже побольше других досталось. А тебе еще от себя добавил, не забыл. А я опасался... Да что там!.. Тысячник разрешил с собой для всей Стрелецкой слободы табун коней взять, берегом погоним. Не с пустыми руками вернемся.

Долог по воде путь до Москвы. Двадцать дней шли только до Нижнего Новгорода.

Здесь огромный караван судов, наполненный ранеными и дарами, разделился: часть пошла на Кострому и Ярославль, большая половина каравана начала подниматься по Оке.

За Горбатовым поселком еще раз поделились. Коломенцы, рязанцы и большая часть москвичей продолжали свой путь по Оке, а другие пошли по Клязьме, тут путь до Москвы короче. Этим путем поплыл и Юрша. Однако в ноябре начались морозы. За ночь струги прихватывал береговой лед. Дни стали короче, коногоны спешили, выходили затемно, приставали к берегу впотьмах и все же не успели. По реке пошла шуга, вести струги стало не по силам. Решили на зимовку стать под Владимиром. Здесь узнали, что у царя Иоанна родился первенец и наследник, нарекли которого Дмитрием.

Юрша достаточно окреп, свободно ходил, иногда садился на коня и ехал по берегу, а когда заболела рука, возвращался на струг. Теперь Юрша и Аким решили ехать конно, взяли с собой стрельца Захария. До Бронич было верст двести. Раньше доводилось за день проезжать намного больше, а тут тащились без малого две седмицы и с первым снегом въехали в Хлыново. Юрша впервые прибыл в сельцо, дарованное ему государем пять месяцев назад. А сколько с тех пор воды утекло! Сколько всякого приключилось!

8

Хлыново раскинулось вдоль оврага, по дну которого бежал ручеек. Насчитывалось в сельце полтора десятка «дымов», то есть отдельно живущих семей. Жилища этих семей удивили Юршу своим разнообразием. Тут были землянки, вросшие в землю, и покосившиеся хибары, и избы с плетневыми дворами, и даже пятистенки с надворными постройками. Все эти сооружения не держали порядок, одни жались к лесу, другие к дороге, проходящей краем оврага. А по яркому, только что выпавшему снегу от жилищ к одинокому колодцу и к дороге петляли темнеющие тропинки. Край сельца обозначался рубленой церквушкой с единственным колоколом на бревне, расщепленном ижицей. Между церковью и лесом приютилось унылое кладбище.

Дальше по дороге – барская усадьба, огороженная высоким частоколом. Ворота из толстых окованных досок распахнуты настежь. В воротах и на дворе – народ.

Аким послал вперед Захария предупредить о приезде барина. Староста Михей обошел все дворы, распорядился, как встречать нового хозяина. Особенно долго наставлял он Домну, расторопную вдовицу лет тридцати. Ее староста, узнав, что барин молодой и неженатый, назначил домоуправительницей. Домна не очень внимательно выслушала его наставления, потом вдруг подбоченилась, руки в боки и с насмешечкой спросила:

– Слышь, Михей, а не рассказать ли мне барину, чему ты меня учишь! Не поздоровится тебе, правда?

Выругался Михей, а про себя подумал: «Вот бесова баба! Ведь может войти в силу, перед ней шапку ломать придется! Посадил на свою шею!»

Весть, принесенная стрельцом, всколыхнула все село. И стар и млад пошли встречать нового барина, в избах остались лишь больные. Мужики, бабы гадали: лучше аль хуже будет? Новые хозяева – новые порядки. А ребятишки радовались неизвестно чему, носились вокруг, чтоб не озябнуть.

Вот прибежал дозорный:

– Едут!

Мужики сняли шапки, ребятишки попрятались за взрослых.

Впереди ехал знакомый многим стрелецкий десятник Аким. Рядом, видать, барин, в шубе темного сукна, малахай кунным мехом оторочен. Правый рукав пустой. Бабы пригорюнились – знать, татары порубили. Барин ликом молод, но бледен. Бороду коротко стрижет, а взгляд будто приветлив. Другие заметили: за барином шли три коня с большими व्यюками. Мужики помогли стрельцу завести коней во двор, расседлать и развьючить их.

Юрша устал с дороги, ныло плечо. Но он забыл про боль, когда увидел встречающих его стариков, опирающихся на посохи, старух в темных и молодых в цветных платках. Заметил: много молодых ребят и девчонок и меньше десятка мужиков. И все они – его люди, он должен как-то заботиться о них. Ощущение не новое: у него был сперва десяток, потом сотня воев, они тоже нуждались в его внимании. Но тут в деревне было что-то иное, незнакомое. Эти люди обязаны кормить и одевать его. Значит, не только они зависели от него, но и он от них!

Сойти с коня Юрше помогли Аким и староста Михей. Его благословил местный священник отец Нефед, хлеб-соль поднесла Домна. Староста, забежав вперед, распахнул перед владельцем дверь в избу. В просторной горнице было тепло, пахло пирогами и слегка дымом. В углу – жарко натопленная печь. Пол, потолок, стены выскоблены и чисто вымыты. Вдоль стен стоят лавки, ларцы, шкафы с посудой деревянной и глиняной. Стол под белым покрывалом, на нем хлеб и соль, с которыми встретили барина. В переднем углу две темных иконы и яркая лампада.

Прошли в другую комнату, в опочивальню, тут тоже чистота. На полкомнаты кровать квадратная. Юрша невольно загляделся на цветастое одеяло. Давно он не спал в постели, а в такой – никогда. Аким подошел, положил руку на кровать, рука утонула в пуховых перинах. Сказал:

– Постарался, Михеич!

– Воистину старался. Все новое. От старого барина мало чего осталось. – Перехватив взгляд Юрши, добавил: – Ты, Юрий Васильевич, прости меня, недоглядел. Когда бабы покои оттапливали, по-черному пустили. Высушить поскорее хотели. И опять же, дуры, говорят, ежели по-белому топить, жильем не пахнет.

Юрша улыбнулся:

– Правильно бабы говорят.

– Ну вот и ладно. В баньку не угодно ли? А потом к трапезе.

В баню их сопровождал староста. На дворе продолжал толпиться народ. Юрша спросил, в чем дело. Михей пояснил:

– Приношения Домна принимает.

– Какие приношения?

– От каждого двора по достатку, потом проверю сам. У нее для тебя на первый случай все должно быть. Опять же, вдруг гости или еще кто.

Для новоставленного дворянина Юрия Васильевича Монастырского первый день в его собственной усадьбе закончился трапезой, постной по случаю Рождественского поста, но обильной. Ее разделили с ним Аким и священник. Юрша пригласил к столу и Михея, чем растрогал старика до слез. Хотел позвать и стрельца Захария, но староста дал понять, что ему здесь не место.

– Юрий Васильевич, слугу твоего мы не обидим. Его на постой отправили, там и банька будет, и еда-питье, все как надобно.

Прислуживала им Домна. В новой поневе, в рубашке расшитой, она беззвучно носилась по горнице, будто плавала. Юрша подал ей кружку хмельной браги, она расцвела розовым маком.

9

На второй день пребывания в Хлынове Юрша с утра слушал старосту, который перечислял уголья: сколько пашни, лугов, леса, неудобной земли, какой урожай собрали, сколько скота на зиму пойдет. Юрша удивился, как без единой записи старик столько запомнил. Староста с достоинством ответил:

– Грамоте разумею, барин. Дай Бог царство небесное дяку Игнатию, обучил меня, когда пушкарем был, еще при государе Василии Иоанновиче. Да все равно без надобности: бумаги у меня нет, да и чернил где возьму.

Много нового узнал Юрша, о чем раньше и не задумывался. Оказывается, нужно было решать, когда зерно везти на продажу, теперь или к весне? Из каких денег платить государеву подать? Что делать с недоимщиками? Таких две семьи да бобыль: брать у них нечего, в избах пусто, и работать некому. И еще ворох всяких неприятных вопросов. На каждый из них у старосты готовое мнение, вроде бы разумное. Однако прежде чем решать, Юрша хотел присмотреться. Поспав после обеда, сказал Акиму, что решил посетить жилища крестьян. Тот засомневался:

– Юр Василич, дворянское ли это дело – к смердам идти?

– Самое дворянское, – возразил Юрша. – Прежде чем пойти в бой, ты обязан знать, на что годится каждый вой и каков его конь. А тут, отец, не проще, чем в бою.

– Что ж, пойду кликну Михея.

Староста воспринял затею барина как блажь и предложил:

– Пойдем ко мне, барин. Я тут рядом, за церковью.

– К тебе потом. Начнем с дальнего края.

Пока шли вдоль деревни, Михей сказал:

– Об одном деле забыл сказать. Юрьев день скоро, отходная седмица началась. У нас тут богатый мужик уходить собрался, отходные деньги сдал. А сейчас обратно взял. Говорит, барин ему понравился, раздумал на другой земле счастья искать.

Крайней оказалась крохотная нахохлившаяся избушка об одно окошко. Сени и сарай заменял плетневый закуток, заваленный навозом. Дверь в избу больше походила на лаз. Преодолев его, Юрша оказался в темноте – пузырь в окне обледенел. В избе стояла страшная вонь, аж перехватило дыхание... Протиснувшийся за ним староста объяснил:

– Тут бобыль живет. Сторожем мы его числим. Но ежели его не разбудить, и день и ночь спать будет. Эй, Кургуз, вставай! Барин к тебе пожаловал.

Привыкнув к потемкам, Юрша увидел, как с печи свалился к его ногам маленький лысенький человечек, на лице, вместо бороды и усов, лохматились беспорядочные клочья седых волос. Человечек завопил:

– Батюшка-барин! Гость-то какой! Прости бога ради! Только-только прикорнул!

Он начал тараторить, а из-под печки выскочила коза, принялась бегать по избе и жалобно блеять. Староста перекричал их:

– Не греши, Кургуз! Ты всегда спишь. Козе корма заготовил? – И пояснил Юрше: – Всей животины у него – одна коза, и ту прокормить не может.

– Заготовил мало-мало. Копенка в лесу стоит. Вот теперь по снежку перевезу на санках.

– Лоси разбили твою копну. А дрова где? Я ж велел заготовить.

– Эх, Михей, не позорь меня перед барином! Лес рядом, на топку всегда набрать можно.

– Вот работничек! Недоимки за ним из год в год переходят. Кургуз, мое последнее слово при барине говорю: от Рождества и до Великого поста будешь к барскому двору дичь доставлять. Когда-то ты силки мастер был ставить. Будешь отлынивать, козу отберу!

Когда вышли из избы, Юрша вздохнул полной грудью:

– О боже мой, как он живет в такой грязи и вонь?! И больно ты грозен с ним...

– Что ж, барин, делать, его лаской не проймешь. Прикажи на конюшне отодрать, тогда, может, за собой, поганец, убирать начнет. И коза у него не кормлена небось. Прошлую зиму животное не сдохло потому, что сердобольные бабенки подкармливали ее.

Подшли к такой же покошенной хате. Но тут был двор с хлебом, в сенцах кудахтали куры.

– Маланья – вдовица, – пояснял староста. – Муж ушел на государев извоз и сгинул. Лет пять ни слуху ни духу. Баба работающая, четырех ребят тянет, скоро помощник подрастет. А пока недоимка числится, да отец Нефед обещал оплатить, ее сын Кирилка в церкви помогает.

В полутьме избы Юрша рассмотрел ткацкий станок под полатами, зыбка посреди избы, в ней малютка с тряпичной соской, а зыбку качает малолеток в короткой рубашке. Хозяйка, увидев барина, растерялась, стала на полпути к столу с рогачом, на котором парился чугунок. Потом сорвалась с места, чугунок на стол бросила, в пояс поклонилась, приговаривая:

– Милости прошу, гости дорогие! – Быстро вытерла подолом лавку. – Может, репки отведаете? Отменная нынче родилась. О Господи, что говорю!

Юрша поблагодарил и невольно заметил:

– Чисто у тебя.

– Сорить-то некому. Ребята во всем помогают мне. А телят-ягнят еще рано в избу завозить.

Староста спросил:

– А старшие-то где?

– В лес пошли за хворостом, с твоего дозволения.

Михей смутился:

– Барин, это я дозволил сушняк всем собирать. Не будет на то твоего запрета?

– Пусть собирают. Хозяйство какое у тебя, Маланья?

– Слава богу, жить можно. Жеребеночек подрастает, коровка с молочком, овечек десяток да куры. А с барского двора поросяток и овцы.

Староста добавил:

– Живность с твоего двора по мужикам раздал, сохраннее будет. А там как прикажешь.

– В таком деле тебе виднее. – Когда вышли из хаты, Юрша спросил: – Чем помочь ей можно?

– Молодец баба, тягло с мужиками наравне несет. А помочь – с одежкой у них худо. Парень лаптей наплел, а онучей на всех не хватает. Видал, ребята ушли в лес, а у нее лапти на босу ногу.

Юрша вспомнил:

– Ты сказал, пять лет как мужик пропал. А сосунок чей?

– Грех тут, Юрий Васильевич. Мужиков-то у нас мало, послал я ее в извоз в Москву по прошлому году. Ну, дело бабье, бес попутал, вот и родила. Потому и недоимка.

– А вдруг мужик вернется?

– Ну и что? Поколотит для порядка. Опять же мальчонок. Чей бы бычок не прыгал, а теленочек наш.

Подожли к следующему жилью, землянке. Возле нее – плетневый двор. Мужик и мальчонка доплетали плетень. Увидев барина, сняли малахаи.

– А это, Юрий Васильевич, исправный мужик, лошадь и все прочее есть. Да Господь посетил – сгорел по весне. Мы ему помогли землянку сделать, а отпустить леса на сруб без барского решения не могли. Будет твое дозволение, за зиму лес сготовит.

Юрша поговорил с мужиком, заглянул в землянку. Там копошилось ребяташек пятеро, мал-мала меньше. Когда отошли, Юрша спросил старосту:

– Как смотришь, можно ему лес давать?

– Можно. С лихвой отработает.

– Так и порешим. Выделяй, пусть заготавливает.

Обход продолжался. По деревне уже разнеслась весть, что барин идет. Его встречали, охотно показывали свои достатки, угощали. Осведомленность старосты не переставала удивлять Юршу – тот знал все мелочи каждого двора; его уважали, и ни разу никто не пожалился на него.

Затем подошли к большому двору, изба пятистенная, уступала барскому тем, что крыльцо и сени поменьше, да топилась по-черному. У хозяина Сафрона, широкоплечего и широкобородого старика, было два женатых сына, третий ушел в государево тягло, да дочь на выданье. Все женщины во главе с хозяйкой работали в первой горнице: снохи пряли, дочь вязала, а хозяйка ткала. При входе барина они встали, чинно поклонились и вышли, дела мужиков их не касались. Михай принялся перечислять живность да движимость. Упомянул, что средний сын бортничает. На это дано ему разрешение.

Хозяин угостил гостей медовухой, приправленной травами.

Когда вышли из избы, Аким заметил:

– Вот это хозяин! Я смотрю, у него коров и овец вдвое больше, чем барских.

– Без малого так, Аким Дорофеич. На трех таких хозяевах и сельцо держится.

10

Следующие два дня они объезжали угодья. С утра до позднего вечера осматривал Юрша слегка припорошенные снегом озимые поля, пахотные и паровые участки, луга. Ездили по лесным дорогам. Везде он видел частую сетку звериных следов, зайцы постоянно выскакивали на дорогу, пугая лошадей. Юрша спросил, много ли в деревне охотников.

– Едва ль не каждый. Но у нас строго. Сафрон со своими сыновьями караул несут, брата родного не помилуют. А чтоб не баловали, разрешение даем за малую плату. Вот кончится Рождественский пост, пойдут просить. Тут уж как ты дозволишь. Сам будешь или мне доверишь?

– Пусть останется как было.

– Спаси Бог тебя. Старый барин сам разрешения давал. А вот и сторожка Сафрона. Тут он ночует иной раз, тут и засека у него. Зайдем, огонек разведем, перекусим, я захватил кое-что.

Юрше нравились эти поездки, они доставляли больше удовольствия, чем посещение дворов, особенно таких, как у бобыля. Однако скоро осмотр закончился. После ужина Юрша, утопая в обширной постели, позвал Акима:

– Поезжай завтра домой, отец. А я седмицу отдохну, потом второе именье объездим. Передай поклон Агафье Сергеевне. Подарки захвати, всех одари, с приношением к стрелецкому голове сходи. Скажи, я просил до весны отпустить тебя. Возьми Захария с собой, насчет его тоже поговори, он нам тут очень нужен.

– Обязательно поговорю, – усмехнулся Аким. – Тут женихов мало, он уже девку облюбовал, глядишь, и женится.

– Видишь, а я не знал. Потом сходи в подворье митрополита, возьми книгу мою. На обратном пути из Москвы привези какую ни есть мягкую рухлядишку...

Обо всем наставление получил, а о Тонинском ни слова. Аким решил напомнить:

– А в Тонинское что отвезти?

На какое-то мгновение Юрша поморщился, как от боли:

– Незачем ехать туда, Акимушка.

– Как незачем? Ты что?..

– Отговаривал ты меня, отец. Поначалу сердился я, а теперь вижу, ты прав. Не пара я ей.

– Батюшка, Юр Василич! А как же боярышня? Ведь я не слепой: ты ей сильно по сердцу пришелся.

– Время излечит, Акимушка. И мне нелегко. Да как я боярышню сюда привезу с бабками, с няньками? Тут повернуться негде.

– Эх, о чем пригорюнился! У тебя и другое поместье есть. Дом там разваливается, это верно. Зато людишек много, да и мы не без денег. За лето хоромы отгрохаем!

– Прокофий не отдаст дочь за безродного.
– Государь обещал сватом пойти.
– Отдалился я от государя.
– Поправишься и сызнова приблизишься.
– Не будет того, чует мое сердце. Вроде как в опале я.
– За что опала? Опальным поместья и деньги не дают, а тебе смотри сколько отвалили.
– Чего ты меня терзаешь, Аким? Ты же знаешь, что жениться мне нельзя. Вдруг государю донесут. Сейчас о моей матери знают, кроме нас с тобой, еще двое, а то и трое, да по скитам, по монастырям... А узнает что Иоанн Васильич, он не только меня, но и жену мою не помилует. Вдруг дети пойдут, их, малолеток, тоже не пожалеет. Видно, судьба у меня такая, нужно в сторону отойти, в монастырь податься. Федор – достойный муж для Таисии. Дай Бог им счастья.

Аким, потупившись, долго молчал, потом неуверенно сказал:

– А может, гроза стороной пройдет? Зачем от своего счастья отказываться? Государь твою службу знает, никому не поверит.

– Нет, не минует. Ему что-то известно. Помнишь, перед отъездом из-под Казани ко мне тысячник приходил? Дарственные деньги принес. А я его спросил: почему из всей тысячи только мою сотню на стены послали? Он ответил, что, мол, боярин перепутал: утром перед началом дела пришел и сказал, что государь приказал сотню Монастырского в самое гиблое место послать. А теперь, вишь, самые высокие наградные и сотнику и стрельцам. Ну а я мыслю так: не ошибся боярин. Государю что-то известно стало, вот он и решил избавиться от меня. Я тогда сразу почувствовал, когда у него был и про убийство Михаила говорил. Вот так-то, отец.

– Ой, Юр Васильич, боюсь, что ты возомнил. И опять же, девку молчанием обижать нельзя. Нужно объяснить как-то.

– Правду говорить нельзя, а кривить душой не могу. Скажи: ухожу в монастырь.

– Да ты что?! Впрямь думаешь о монастыре?!

– Думаю. Другого выхода не вижу. Надену монашью рясу, а то и схиму, и все мирское отойдет, и гнев царя не устрасит меня. Так думаю: рука окрепла, перебелю сказание о Туле и поеду к царю просить разрешение вернуться в монастырь. Поверь мне, это лучше, чем жить и дрожать за себя, жену и детей. А ты не печалься сверх меры, по-другому все сложится... Коня Лебеда подари ей, память обо мне хоть какая ни на есть...

11

В тонинском дворце привратник узнал Акима и пропустил на двор. Он же разыскал дво-рецкого и попросил доложить боярину. Тот горестно покачал головой:

– Болен боярин Прокофий, никого не принимают. А боярин Афанасий из-под Казани не вернулся пока. Управляет всем барыня Мария.

Аким не предполагал встречаться с ней, но делать было нечего, и он махнул рукой:

– А, была не была, доложи: стрелец Аким от сотника Монастырского по делу.

Ждать пришлось долго. Аким бродил по двору в надежде увидеть Таисию или кого из знакомых девок, но тщетно. И вдруг столкнулся с Малайкой, ее казачком. Аким к нему, как к родному:

– Здравствуешь, Малайка! Прости, бога ради, христианского имени твоего не знаю.

– Не знаешь, и ладно. Чего обрадовался?

– Малайка, дорогой! Вот тебе грош. Скажи боярышне: на дворе, мол, Аким. Повидать хочет.

– Под батоги меня подводишь, стрелец! У нас теперь строго. А за грош благодарствую.

Аким рассердился:

– Так грош-то верни. – Но Малайки и след простыл.

Тут крикнул дворецкий и проводил его во дворец. Мария стояла посреди горницы в розовом летнике, высоко подняв голову в расшитом кокошнике, презрительно рассматривая стрельца. Позади ее стоял Малайка. Аким снял шапку и низко поклонился. Мария резко спросила:

– Что нужно?

– Сотник Юрий Васильевич желает тебе много лет здравствовать, барыня... – начал Аким, но та прервала его:

– Не ври, стрелец! Он не знал, что со мной говорить будешь.

Аким будто ничего не слышал:

– ...А также желает боярину Прокофию скорого выздоровления и всем благополучия в жизни...

– За этим и приехал? – усмехнулась Мария.

– Так уж издревле повелось, начинать со здравицы, барыня. А дело у нас такое. Государь подарил сотнику коня Лебеда. Так вот...

Мария, не дослушав, обратилась к дворецкому:

– Отдай ему коня и чтоб убирался! – Повернулась и хотела уйти.

– Так вот, – повысил голос Аким. – Сотник Юрий Васильевич кланяется и просит боярышню Таисию принять Лебеда в подарок.

– Боярышня Таисия подарки от стрельцов не берет! – Барыня остановилась и грозно взглянула на дворецкого: – Коня отдать немедленно! А ежели кто пустит еще стрельца во двор, плетью накажи!

Аким запротивился:

– Одного коня не возьму. Государь подарил со сбруей дорогой.

– Сбрую отдать! И чтоб духа его тут не было. Да смотри, чтоб ни с кем не встречался. Понял? – И ушла.

Аким недоуменно смотрел ей вслед: откуда такая злоба у бабы... Дворецкий тронул его за рукав:

– Вот такие дела! Пошли, стрелец.

Аким взмолился:

– Мне бы боярина повидать или боярышню!

– Все, стрелец. Дальше конюшни тебе хода не будет. Пойдем, а то и мне попадет.

Аким в конюшню не пошел, стоял на дворе и смотрел на окна дворца: не будет ли какого знака. Дворец будто вымер. Дворня и та куда-то разбежалась. Аким готов был совершить какой-нибудь отчаянный поступок, но в голову ничего путного не приходило. А Лебеда уже вывели заседланного. Конь понуро брел к воротам, будто понимая, что его лишают хозяйки. И вдруг из дворца выскочила простоволосая девка и заверещала на весь двор:

– Не то, не то седло! Боярышня гневается! Назад, назад в конюшню! Там в углу седло! – Девка начала расседлывать. Аким понял ее хитрость и принялся помогать ей. Она скороговоркой прошептала:

– Версты три проедешь, овражек будет. Направо по овражку к Яузе выйдешь. Подождешь там у обгорелого дуба. – И громко: – Во, во, это самое.

Доскакал Аким вместе со стрельцом, сопровождавшим его, до овражка. Свернул вправо к Яузе, выехал и удивился: за деревьями виднеется крест церковный и князек дворца тонинского, версты две не будет. Перебрали реку, нашли дуб, расщепленный молнией, обгорелый. Лошадей отводить далеко побоялись, вдруг нападут приспешники Марии, убежать, а то и отбиться придется. Завели коней в ельник. Аким у дуба спрятался. Ждали.

Вдруг на берег Яузы две дворовые девки вышли, в простых полушубках дубленых, головы платками повязаны. Аким в одной Таисию признал, только когда та негромко произнесла:

– Аким, ты где?

Он ответить не успел, за него голос подал Лебедь: весело заржал, а сам затрепетал весь. Таисия к коню, прижалась к его шее. Аким поклонился.

– Здравствуй, Аким! Рада видеть тебя во здравии. Правда ли, что Юрий Васильевич дарит мне Лебеда?

– Истинная правда. Да барыня не приняла подарок.

– Очень ладно, что увели Лебеда со двора. Как здоровье Юрия Васильевича?

– Слава богу! На поправку идет. Рукой начинает двигать, кашлять перестал.

– Как ранили его? Расскажи.

Аким принялся рассказывать. Видел, как пугается она, вскрикивает. Невольно становилось жаль эту девушку, совсем не похожую на боярышню, на горе свое полюбившую обездоленного молодца. Засыпала она его вопросами. А он чем дальше отвечал, тем меньше оставалось решительности покончить дело с ней одним махом. А она выслушала и распорядиться начала, боярышня все-таки:

– Скажи Юрию Васильевичу, подарок принимаю с радостью. Сделай так: отведешь Лебеда на пасеку к Сургуну. Езжай по Язуе до брода, – там скот перегоняют, на телегах и санях ездят. Свернешь и держись дорогой. Потом влево отделится малоезженная. Ее снегом припрошило, но заметишь, она тебя приведет на пасеку деда Сургуна. Отдашь ему Лебеда и все расскажешь. Вот эта девка со мной, его внучка Настенька. От нее и от меня поклон передай. К нему наведуюсь как-нибудь.

– Все сделаю, как сказано. И не кори меня, старого, боярышня. Недоброе я приехал сказать тебе.

Испугалась Таисия, в лице изменилась, насторожилась. А Аким продолжал:

– Юрий Васильевич тебя, боярышня, Христом Богом просит, забудь его.

Таисия побледнела, березкой качнулась:

– Аким, что ты сказал?! Не перепутал ли?

– Нет, боярышня! Сказал то, с чем приехал сюда. И еще добавил: выходи замуж за княжича Федора, любит он тебя, сам Юрию Васильевичу признавался.

Навернулись слезы на глазах Таисии, но крепилась она:

– Вон о чем заботится! Говори, кто моя разлучница?

– Поверь старику, нет никакой разлучницы. В монастырь он уйти хочет.

– В монастырь?! А я как же? Не знает он моей жизни! Ой, стыдобушка какая! А сказывать придется. Не могу тут больше жить! – Таисия заплакала. – Уехать... уехать отсюда нужно... Не могу тут! Думала, увезет он меня отсюда! Федор сватался, да отказала я ему. Уехал он к себе в Тулу. Акимушка, не могу жить без Юриши! – Таисия разрыдалась. —...И отец понимает все, согласился выдать меня за Юрия...

Аким, как мог, старался успокоить ее. Она головой прижалась к его груди. Сквозь слезы спросила:

– Почему он сам не приехал? Увидел меня, забыл бы о монастыре.

– И впрямь, не выдержал бы! Но от этого вам бы хуже было. Боярышня, горько мне, ой как горько, а сказывать нужно. Тяжелая жизнь предстоит Юрию Васильевичу. Может, и с жизнью придется расстаться. Тяжело ему, сердце на части разрывается, но не хочет он, чтобы ты делила с ним горькую судьбу. Его, может, и монастырь не спасет, но тебя минует его судьбина.

И вдруг Таисия перестала плакать, подняла голову и широко открытыми глазами с испугом посмотрела на него:

– Акимушка! Его родители опальные?! Долгими ночами думала я и не верила, что он разлюбит меня. Злая стрела-разлучница не разлучила нас. И вот монастырь! Опальные родители! Государь узнал?

Аким удивился;

– Молода ты, боярышня, а ума палата! Мало кто знает об этом, но Юрий Васильевич боится тебя под опалу подвести.

– Значит, на горе себе нашел родителей! Кто они?

– Помилуй меня, боярышня. Я и так, старый дурак, много сказывал, где бы помолчать следовало. Скажу только, что опала страшная. Узнает царь, не помилует ни его, ни тебя, ни детей ваших!

– А тебя, отца названного? Ты-то не предашь его? Не убежишь от него?

– Обо мне какой разговор, я человек маленький. Мне он за сына.

– А я невеста его! Ничего я не боюсь, опалу вместе с ним понесу. Так и скажи Юрию Васильевичу: я навеки его, и радость и горе с ним делить буду. О монастыре пусть не думает, монастырь – это похороны при жизни! А я жить хочу, радоваться! Ну, ежели не суждено долгие годы любить его, рядом с ним смерть встречу! Мое слово передай ему. Пусть он весточку пришлет деду Сургуну, когда ждать мне его. Отец мой на ладан дышит, а от Марии-ведьмы наш сговор скрывать надобно.

– Может, Юрию Васильевичу к царю пойти? – подсказал Аким и заметил – испугалась чего-то Таисия:

– Ой, Акимушка! Царь не поможет! Ведьма околдовала его. Царь сватает меня за Спирьку! О горе мое! Спасти может только Юрий Васильевич! Ведьма согласна отдать меня и за Спирьку! Еще какой-то боярин женихом объявился, в отцы мне годится. Я готова ждать сколько надобно, да враги мои торопятся. Вот и Настя идет, нам уходить пора. Деду Сургуну скажи, как найти ваше Хлыново, никого не спрашивая. Понадобится, пришлю деда. А то и стыд забуду, сама пожалую. Вот до чего меня довели.

Подошли стрелец и Настя с вязанкой елового лапника.

– Видишь, мы за лапником убежали. Отец хочет, чтобы у него в опочивальне лесом пахло. Прощай, Аким! Не поминай лихом.

Поехал Аким искать деда Сургуна и задумался. «Выходит, не выполнил он поручение сына своего названного, не сумел объяснить боярышне о надвигающейся грозе. Может, потому, что верил, надеялся, что пронесет тучу грозную стороной... А боярышня боевая какая! Видать, и верно, любовь у нее нешуточная!.. Что-то будет?..»

12

Юрша принялся упражнять в письме раненую руку. Аким привез из Москвы его рукопись, теперь нужно было написать последнюю главу и добавить кое-что, как требовал митрополит. Юрша придумал и название книги: «Сказание о разгроме крымских полчищ под стенами Тулы, града славного». Требовалось теперь титульный лист рисовать, а художника нет. Пробовал сам, да не получилось.

О его занятии узнал отец Нефед, засиял весь:

– Богоугодное дело совершаешь, сын мой! Грамотный человек должен о себе память оставить, хоть одну книгу переписать. Аз в свободное время тоже пишу. Мне не послал Господь больших дел видеть, так на радость себе и другим переписываю деяния и поучения святых отцов. Накопилось теперь у меня без одной два десятка книг. Ныне двадцатую пишу. Одолжил у отца протоиерея «Повесть о жизни и храбрости благочестивого и великого князя Александра Невского». Да вот с бумагой трудно.

Посмотрел Юрша его листки и диву дался: заставки и буквицы киноварью да глазурью выведены, завитушками и цветами изукрашены.

– Скажи, отец Нефед, кому отдаешь расписывать? Мне тоже требуется.

– Зачем отдавать, Юрий Васильевич? Твой человечешко малюет. Матроны-вдовицы сын. Ловкий отрок, красиво получается у него. С книги срисует, рядом положишь, не отличишь. А теперь с моего дозволения стал от себя добавлять.

Юрша приказал звать Матронины сына. Пришел маленький парнишка, степенно перекрестился на иконы, поклонился сперва священнику, потом барину. Юрше показалось в парнишке все удивительным: и маленький рост, и непослушные рыжие вихры, топорщившиеся в разные стороны, а особенно конопушки во все лицо с оттенком меди. Это зимой-то! Парень большими зелеными глазами смотрел на барина.

– Как звать тебя, отрок? – спросил Юрша, рассматривая его.

– Облупышем кличут.

Отца Нефеда передернуло даже:

– У тебя христианское имя спрашивают, болван! Кирилла он. Твержу, твержу, как об стенку горох! Все зовутся будто язычники, прости Господи! Особо мужики, бабы не так. Что за народ! Дозволь, Юрий Васильевич, он за красками сбегает.

С этого дня Кирилл Облупыш каждый день сидел в барской горнице. Барин писал, а он украшал буквицы зверями да птицами невиданными, цветами да травами, глаз радующими.

Юрий еще по монастырской жизни знал каноны книжной росписи и часто сдерживал неумную фантазию мальчика. Заставлял сперва рассказывать, что он хочет изобразить, подсказывал, учил брать образцы из старых книг. Радовался тому, как быстро схватывал Кирилл, без ошибок копировал, а потом добавлял от себя несколько штрихов, и он соглашался – именно этой добавки и не хватало. Вслух читал написанное, а Кирилл на полях изображал прочитанное: то часть крепостной стены с ее защитниками, то мчащихся на конях крымчаков. Юрша спросил, видел ли он живого крымчака.

– Не, не приходилось.

– Так откуда их обличие и одежду знаешь?

– Рассказы бывалых слушаю, они такими мне представляются.

Так до возвращения Акима мирно текла деревенская жизнь Юрши. Книга получилась великолепная, она наверное понравится государю. Примет он подарок и отпустит его, раба Божьего, в монастырь. Эта мысль изо дня в день крепла, монастырская жизнь рисовалась отдыхом для души, на сердце становилось тепло и радостно. Очень часто в его мысли входила Таисия. Он гнал от себя ее образ, поспешно обращался в передний угол, молился, умолял Бога дать ему силу справиться с греховными мыслями.

Приезд Акима и его рассказ перевернул все, Юрша слушал и не верил своим ушам. В его жизнь настойчиво ворвалась любовь! Потребовался ответ на вопрос «что делать?». Он метался: не мог же обмануть ожидания девушки. Аким успокаивал его:

– Может, пугаем мы себя? У страха глаза велики. Останешься ты до конца дней своих стрелецким сотником, а может, и тысяцким станешь. Иль будешь жить тут, в тиши, помещным дворянином с красавицей женой людям на радость.

– Чует мое сердце, не так станется. И опять же претит мне женитьба воровская. Хотя из любви к Таисии, из жалости к ней на все пойду... А может, все-таки пасть на колени перед государем, просить, чтоб заступился перед барыней Марией?

– Говорил я такое Таисии. Да где там, боится она барыни. Твердит, что ведьма Машка отговорит государя. – Хотел было о сватовстве Спиридона добавить, но промолчал: и так на бедную голову названного сына сколько всего свалилось!

– А может, к государыне? – Искал выход Юрша. – Благоволила она ко мне. Вдруг захочет доброе дело сделать. А государь ей не откажет – наследника она пестует. А я ей подарю «Сказание».

Так и порешили: до сырной недели закончить книгу, на масленицу поехать к государыне, и, если ей будет угодно, на Красную горку сыграть свадьбу. Все это Юрша описал в грамоте, и Аким повез ее деду Сургуну.

Два дня пасечник Сургун искал удобный предлог, чтоб повидать боярышню, да еще столько же потребовалось для получения ответа. Слова боярышня никакого не сказала, поэтому Аким только в Хлынове от Юрши узнал, что Таисия одобрила их план. О чем другом писали они друг другу, Аким мог только догадываться по тому, как сын перестал хмуриться да задумываться, больше улыбался и будто расцвел весь.

Иногда Юрша одевался, брал саблю и исчезал в лесу. Аким подсмотрел, как он, по пояс утопая в снегу, направо и налево рубил сучки и ветви, возвращая руке былую силу. Радовался десятник: «Слава Богу, мысли о монастыре оставил!» И тут же возникали сомнения: «Ладно ли все идет?»

Юрша не захотел отрываться от книги, чтобы поехать смотреть второе имение свое Ганусово, послал Акима да старосту Михея. Это дело отошло на второй план, он был уверен, что Аким справится не хуже его.

Правда, принесли ему огорчения известия о нищенском существовании крестьян и полном развале хозяйственных и земельных дел в Ганусове. Стали подыскивать нового управителя, устройством имения занялся и Аким, помогал ему за небольшое вознаграждение шустрый броничский подьячий.

13

Зима того года выдалась снежная, ветреная, засыпало, перемело все дороги, ни гостей, ни путников в Тонинском: только зверье полями да перелесками рыщет. Волки осмелели, из лесов к жилью перебрались, воют, жуть нагоняют на людей. А перед Рождеством такая выюга разбушевалась, что света белого не видно, днем в светелках лучины и свечи жечь пришлось. Только на второй день святок ветер утихомирился.

Барыня Мария выгнала холопов дорогу к церкви расчищать. Сама пожаловала в храм к вечерне, с ней Таисия и вся дворня. Во дворце остался только боярин Прокофий со слугой да сторожа. Служба длилась долго, по всем канонам. Под конец старик отец Ираклий уже хрипеть и ошибаться начал. Наконец хор замолк. Мария и ближние ее приложились к кресту и, покинув церковь, вышли на клубящийся паром мороз. Ветер совсем стих, облака разбежались, небо вывездило, и заметно похолодало.

Таисия с девушками отстала от барыни. По сторонам расчищенной дорожки высились сугробы. Как можно утерпеть и не потолкаться, будто ненароком упасть, тихонько повизгивая, в пушистый и колючий снег! А потом веселая возня в прихожей, когда отряхивали шубки и высыпали снег из валенок.

И опять во дворце тишина. Барыня гневаться изволит, обиделась, что никто из соседей на Рождество не пожаловал.

Таисия после ужина пришла в опочивальню отца. Здесь по углам лежали охапки лапника, пахло хвоей и воском. Боярин Прокофий лежал в обширной кровати, его теперь не узнать, куда девалась его былая дородность: волос на голове совсем не осталось, борода и та реже стала, лицо пожухло, потемнело. Гложет его боль под ложечкой, утроба пищи не приемлет, уж много дней жиденькой сытой пробивается. Около кровати за аналоем дьячок читает «Житие преподобного Сергия Радонежского».

Прокофий обрадовался дочери, кивнул легонько: «Хорошо, мол». А Таисия поправила подушки, потом села подле поставца, пододвинула рамку с распяленной ширинкой и принялась вышивать красным, зеленым и желтым шелком, из-под ее пальцев появлялись петухи да цветы красочные. Дьячок читает:

– «...Мнози бо зверия в той пустыни тогда обретохуся. Они стадами выюще, ревуще пашають, а другие же не по мнозе, по два или трие, или един по единому мимо проходят, одни же издалека, а другие близ блаженного приближахуся и окружаху его, яко и нюхающе его».

Неслышно ходит седой, сгорбленный слуга боярина. Берет от печи разогретую лисью шкурку, аккуратно подсовывает ее под одеяло, накрывает боярина, а остывшую шкурку несет к печи.

Прокофий и слушает дьячка, и не слушает. Смотрит не отрываясь на дочь. «Что ожидает ее, как останется сиротой? Характером непокладиста, со снохой не ладит, а та норовит унижить ее. Придумала за Спирьку выдать. Ой, тяжело дочке придется! – Нежданные слезинки покатились по щекам... – Мало осталось ему земной жизни. Не привел Господь выдать дочь за хорошего человека. Сотник все у ней на уме, а что Спирька, что сотник – одна статья, безродные. Скорей бы Афанасий приезжал...»

А дьячок читает проникновенно:

– «...И от них же един зверь, рекомый медведем, иже повсегда обыче приходит к преподобному. Се же видево преподобный, яко не злобы ради приходит к нему зверь. И выносил ему из хижа своя мал укрух хлеба и полагаша ему или на пень, или колоду. По обычаю зверь обрете пищу, и взем усты своими и отхожаше...»

То ли задремал Прокофий, то ли наяву, но увидел вроде медведя огромного, с оскаленной пастью, а на пенечке перед ним сидит Таисия. Испугался боярин, очнулся, огляделся – все тихо, Таисия по-прежнему ловко накладывает узоры на ткань. Почудилось, значит. Хотел перекреститься, а руку поднять не может.

– «...Аще ли когда не достышу хлеба, и пришед по обычаю зверь не обрете обычного своего урочного укруха, тогда долго время не отхожаше, но стояще, взирая в стороны, ожидая, акы некий злый должник, хотя восприяти долг свой...»

Читает дьячок все глуше и глуше. Под руками Таисии расцвели на полотне петухи и цветы дивные, и клонится головка ее к полотну. Замечает это Прокофий, прерывает чтение. Тот крестится и уходит, крестит его и уходит дочь, остается только старый слуга. Для больного наступает долгая бессонная ночь. А задремлет немного, наваливаются кошмары, рожи мерзкие, выпучив глаза, лезут на него, звери поганые прыгают на кровать и все рвут, раздирают на части грудь и живот его. Просыпается он в холодном поту, будит задремавшего слугу и успокаивается под сменной горячей шкуркой.

И вдруг, то ли во сне, то ли наяву, услышал он какие-то шумы. Открыл глаза – в опочивальне темно, свечи в поставцах выгорели, только глазком огонек лампы подмигивает. Слуга спит, стоя на коленях и уронив голову на одеяло. И шум усиливается, люди забежали, двери захлопали. Глянул на окно, холодом обдало: по обледенелой слюде сполохи бегают. Уж не пожар ли?! Крикнул:

– Скорей! Скорей! Смотри, что там?!

Слуга спросонья ткнулся в окно:

– С факелами томошатся, а чего, не пойму. Дозволь выйти?

Убежал слуга, а боярину страшно стало. Ведь случись что, забудут про него! Живьем соришь! Попробовал подняться, будто ножом резануло грудь, в глазах потемнело. Вскрикнул и откинулся на подушки. Но скоро вернулся слуга. Меняя остывшую шкурку, он рассказал:

– Государь приехал на пяти возках. А ворота замело. Дворня кинулась снег отгребать. Гости же плетями их подогревают да покрикивают. Одначе государь, слава Богу, не гневается, смеется.

Дорогих гостей впустили через красное крыльцо в трапезную. Они входили, сбрасывали тулупы и – к печам, в которых уже разгорались сухие сосновые дрова. Уж свежевали баранчиков, тащили на кухню только что зарубленных кур и гусей. Дворецкий, задыхаясь, бегал по двору и дворцу, распоряжался. Он заметил, что гости навеселе, тут же послал на село за девичьим хором. Дважды пересчитал приехавших, важно, чтобы в хоре девок было хоть на одну больше, чем гостей. На такой случай девками рядили баб вдовых, что помоложе да поличманистей², дворецкий грех на свою душу брал.

Пока дворня колесом крутилась, девки спешно одевали барыню. Когда она вошла в трапезную, гости образовали около ярко пылающих печей две живописные группы, усевшиеся на сдвинутых скамейках, а то и просто на полу, на сваленных в кучу тулупах. Меньшая группа – около Ивана, в ней самые приближенные. Князь Вяземский, всегдашний спутник царя в развлечениях, представлял в лицах, как он с друзьями напал на купающихся девок замоскворецких, как отбивали те захваченные рубашонки. Иван хохотал громче всех.

В слабо освещенной трапезной Мария не сразу узнала царя. Он был одет, как и все, в светлый шерстяной полукафтан с золотым и серебряным шитьем. Гости ж, увлеченные рассказом, не заметили вошедшей барыни. Но тут слуги внесли множество поставцов с зажженными свечами, все вскочили и расступились, один Иван остался сидеть. Мария низко поклонилась ему:

– Милости прошу, государь наш батюшка Иоанн Васильевич со товарищи! Не обессудь, государь, боярин Прокофий сильно болен, встретить тебя не может. Я, раба твоя, нижайше прошу откусать нашего хлеба-соли. Помилуй нас за нерасторопность нашу, что заставили тебя ждать. – Она еще раз поклонилась. – И вас, гости дорогие, прошу к столу.

Слуги уже расставили кувшины с брагой и вином, холодные закуски, квашения и соленья.

Иван поднялся со скамьи и тоже поклонился:

– Здорова будь, барыня! Не сердись на нас, что мы не приехали поздравить тебя на Рождество Христово, дела государственные одолели. Сейчас поздравляем и просим принять от нас подарки. Спирька!

Вошел Спиридон и с поклоном передал царю, а царь Марии резной ларец из белой кости, наполненный сверкающими камнями. Мария вспыхнула, румянцем залилась и вновь поклонилась:

– Спаси Бог тебя, государь, что жалуешь меня, недостойную, своей милостью и тороватыми подарками. Мы готовы тебе служить...

Благодарение затянулось, Иван прервал барыню:

– Принимаешь, ну и ладно. Веди всех к столу.

Началась попойка. Хозяин на ней обязан был бы присутствовать неотлучно. Для хозяйки же делалось исключение. После первой здравицы она пригубила бокал и попросила разрешения покинуть трапезую. Тут появилась разноцветная стайка девок. Их хором управлял церковный регент. Он шепотом, христом-богом умолял дополнительно приглашенных баб не петь, а только разевать рот, не портить лада.

После первой песни государь приказал поднести девкам меда хмельного, особенно большой ковш регенту. Вскоре хористки сидели на коленях у гостей и пели вместе с пирующими.

Иван сидел за отдельным столом, пил вино маленькими глотками из большого серебряного кубка и насмешливо смотрел, как его сотрапезники хмелели – кто пускался в пляс, кто

² *Поличманистей* – попригожей, покрасивей.

горланил песни. Потом начали уходить, сперва выскакивали хористки, за ними исчезали их собутыльники, еще соблюдалось приличие.

Иван встал, приказал Спирьке захватить с собой вина и два кубка, в сопровождении дворецкого прошел в свою комнатку близ трапезной, у дверей которой уже стояла стража. Сюда приглушенно доносились песни пирующих. Вошла барыня с кувшином кваса, Спиридон и дворецкий незаметно исчезли. Мария налила ковш кваса и поднесла Ивану с поклоном:

– Испей, государь.

Иван будто не слышал, сел на лавку. Барыня несколько секунд стояла с протянутым ковшом, потом бросила взгляд на царя, поставила кувшин и ковш на лавку, вернулась и встала перед ним, сложив руки на груди.

Царь спросил:

– Прокофий плох?

– Даже плох. На днях соборовать собираемся.

– Афанасия мы вызвали из-под Казани. Днями будет.

Барыня подошла к нему и обняла за плечи. Иван встал, Мария хотела прижаться к нему, но он отстранился.

– Днями, говорю, Афанасий приедет.

– Ну и что?

– Честь надо знать! Хватит, побаловались.

– Что это ты такой совестливый стал? Бывало, не совестился. Напоишь его, а меня – к себе в постель. Иль, может, не было того?

– Было, а теперь не будет. – И вдруг грозно: – Веди к Таиске.

У Марии челюсть отвисла, глаза на лоб полезли, в лице ни кровинки не осталось.

– Ты... ты... Давно надумал? – зашептала она.

– Давно. Когда увидел в мальчишечьем облиции. Веди.

Мария бросилась к нему и зашептала как безумная:

– Нет, нет! Не бывать этому! Ты мой! Никому, никому!! Ее, гордячку, Спирьке отдай.

Или вон своим...

– Опомнись, барыня! Кому перечишь?!

– Тебе, государь мой! Тебе, любимый!

Иван схватил ее руку, больно сжал и отстранил от себя. Зашептал свистящим шепотом, не сводя с нее пристального страшного взгляда:

– Говорю, опомнись! – И сильно встряхнул ее. – Я знал, что кто-то из вас заартачится, поэтому Мокрушу прихватил. Не посмотрю, что ты барыня! Мокруша так обрабатывает, месяц спать на животе будешь. Поняла? – И оттолкнул Марию от себя.

Барыня повалилась на пол, запричитала:

– Горе мое горькое! Ведь люблю тебя! На позор пошла! Люди все видят! Для тебя готова все терпеть!..

– Вот и ладно. Терпи. Вставай!

– Только не это! Не прощу разлучнице! Изведу проклятую!

Иван порывисто нагнулся, схватил барыню за плечи и поднял ее. Увидев искаженное злобой лицо и выкатившиеся глаза, Мария замолкла и вдруг почувствовала: что-то кольнуло под левой грудью. И тотчас увидела нож в руке государя.

Иван шипел змеей:

– Машка! Еще слово, Мокрушу звать не буду, сам прикончу. Смирись. Ну! – Нож все сильнее и сильнее врезался в кожу.

Хотела крикнуть: «Убей!», но, взглянув в его глаза, поняла – убьет! Поняла и взмолилась:

– Прости меня, неразумную! Все, все готова сделать, что прикажешь.

– Давно бы так. – Спрятал нож и строго добавил: – А ежели хоть волос упадет с ее головы, засекут тебя плетью на Пожаре. То воля моя, государева.

Боярыня почувствовала что-то горячее под грудью. Провела рукой – кровь. И она и Иван смотрели на окровавленную руку. Мария тяжело вздохнула и громко сказала:

– Спаси Бог тебя, государь, за науку и за все! Идем.

Тот усмехнулся:

– Вот и ладно. Бери вино и кубки.

В коридоре с лавки встал Спиридон. Иван, проходя, буркнул:

– Не ходи. Спи тут.

Шли слабо освещенными переходами, впереди Мария. В трапезной слышались пьяные голоса. Шарахались от барыни девки. В прихожей на боярской половине дремал дворецкий и Малайка. Дворецкий не проснулся, а Малайка проворно отворил дверь перед барыней, узнав царя, согнулся в низком поклоне.

Мария поднялась по широкой лестнице в девичью светлицу. Постучала. Тишина. Постучала громче. Послышалось шевеление и голос девки. Мария назвала себя, дверь отворилась. За Марией шагнул царь. Девка ойкнула. Мария вытолкнула ее на лестницу.

В неровном свете лампы обычная обстановка девичьей: лавки, ларцы, укладки, пяльцы с вышивками, донца, прялки. В углу – кровать. Иван подошел, поднял полог и долго смотрел на спокойно спящую, раскинувшуюся девушку. Опустил полог и, тихо ступая, вернулся к Марии, прошептал:

– Поставь и уходи.

Она ушла, не забыв поклониться. Иван задвинул дверной засов. Сбросил кафтан, оставшись в зеленой шелковой рубаше. Взялся за нож на поясе, секунду поколебавшись, отстегнул его вместе с ремнем, положил на скамью. Налил кубок вина, одним махом выпил, повременил немного, налил оба кубка, оставив их на скамье, отдернул полог и сел на кровать. Таисия шевельнулась, с улыбкой повернулась и открыла глаза. Несколько секунд недоуменно смотрела на царя, потом рывком отодвинулась в угол, в немом крике прикрыла рот ладонью. Иван, придавая голосу нежность, спросил:

– Чего испугалась, глупая? Радоваться должна. Царь всяя Руси пришел справиться о твоём здравии.

– Уйди! Уйди, государь! Ради Бога, уйди! Закричу!

– А чего кричать? Тебя не трогают. Святки на дворе, пришел с тобой вина выпить. Что тут плохого?!

Иван отошел, взял кубки и вернулся. Таисия вскочила с постели, прикрывшись летником, стояла у стены, с ужасом глядя на Ивана:

– Уйди! Уйди, государь! Уйди, Бога ради!

– Заладила: уйди, уйди! Вот выпьем и уйду. Держи.

Таисия видела только его глаза, требовательные, строгие. Не отрывая от них взора, дрожащей рукой взяла кубок, вино расплескалось. Иван придержал ее руку своей горячей и влажной, приговаривая:

– Вот и ладно. Вот и ладно. – Одним глотком осушил свой кубок и бросил его на пол. Таисия пригубила, сладкая, душистая влага согрела горло. Иван смотрел на нее, шептал как наговор: – Пей, все пей! Выпьешь до дна, тут же уйду! Фряжское вино душу веселит, печаль уносит! – Сам придерживал и наклонял кубок.

Таисия выпила и едва перевела дух:

– Ой! Все! Уходи!

Иван, не отпуская ее руки, видел, как краска заливает лицо девицы. Медленно приближая ее к себе, выдыхал слова:

– Поцелуй, поцелуй и уйду.

Она выронила кубок, хотела оттолкнуть его, но почувствовала, что нет сил сопротивляться...

* * *

Спускаясь из светлицы, Иван увидел около лестницы Спиридона:

– Чего тут? Почему не спишь?

– Тебя... государь... Чтоб не... не помешали...

– Пьян, сволочь! С какой радости?

– С...с... горя, г... государь.

Иван быстро прошел к себе, Спиридон, качаясь, побрел за ним. Проходя мимо стражника, Иван приказал:

– Не пускай. Пусть тут проспится.

Как только затихли тяжелые шаги царя, в светелку к Таисии скользнула Настенька и заперлась на задвижку. На полу валялись два серебряных кубка, пахло вином. На цыпочках подошла к постели. Таисия крепко спала. Настя задернула полог, опустилась на ковер и тихо заплакала.

Яркий солнечный день заглянул в оледеневшие окошки, когда проснулась Таисия и позвала:

– Настя, ты тут? Чего-то голова болит, разламывается... Что случилось, Настенька?

– Ничего, боярышня! Ничего. На, переодень исподницу, разорвалась твоя. Дай, перестелю покрывало.

Таисия сухими глазами смотрела, как Настя свертывала в тугой комок изорванную исподницу и покрывало с бурыми пятнами.

– Значит то не сон?.. Настенька!

– Сон, боярышня, сон! Во сне всякое может померещиться!.. Дозволь сжечь это?

Таисия молча кивнула. Видела, как Настя сунула комок в печь, заложила приготовленными дровами и вздула огонь. Боярышня сошла с кровати. Вдвоем, обнявшись, сидели они перед зевом печи и плакали. Дедами заведен обычай после первой брачной ночи вывешивать исподницу и покрывало, чтобы все видели свидетельство чести девичьей. А тут тайно в печи бесследно сжигалась честь боярышни! Вот об этом они и плакали. Потом тихо запели песню о том, как познакомилась голубка с ясным соколом, ворковали, миловались. Поклялся ей сокол в вечной любви, поверила и отдала ему заветное. Теперь плачет голубка, убивается, а ясный сокол о клятве забыл, среди друзей победой бахвалится.

Попели, поплакали. Богородице помолились. Боярышня весь остаток дня провела в опочивальне отца. Настенька к девкам бегала, потом боярышне на ухо шептала, новости поведывала. Государь со товарищами уехал еще затемно. Барыня рвет и мечет, всех девок прибила, старика дворецкого к Мокруше отправила. Потом, говорят, в постель слегла, заболела якобы.

Зимние дни, и тихие, солнечные, и выюжные, шли своей чередой. Таисии казалось, что страшный сон не повторится, и опять появились маленькие радости в ее светелке. Потихоньку от всех с Настей под Крещение гадать начали, и такое веселое гадание получилось.

Вдруг постучали в дверь, заявила барыня. Полмесяца не видела ее Таисия, и вдруг пожаловала. Вошла, а за ней царь Иван!..

После Крещения Иван на неделе раза три приезжал. Сперва в светелку к Таисии его Мария провожала, потом один стал ходить. Тут приехал Афанасий. Пировали несколько дней, и теперь брат отводил сестру в опочивальню к государю, за что подарки ему и государево расположение. Как будто ничего не изменилось. Правда, люди заметили, что не брал государь с собой Спиридона. Однако же и об этом всласть поговорить не пришлось – к Мокруше двоих отправили, а остальные языки прикусили. И вообще, из дворни многие в пытошную из-за разговоров попали. Не наказывали только за песни старинные да за сказки, опять же, ежели они без намеков.

Приближалась масленица, в тот год она была ранняя, с шестого февраля. Сразу после Сретения Таисия позвала в опочивальню к отцу деда Сургуну, боярин пожелал свежего сотового меда, а сама долго с дедом шепталась.

15

Юрша закончил книгу, Кирилка старательно разрисовывал титульный лист диковинными цветами и виньетками, а отец Нефед готовил для переплета шкуру молодого теленка, вымачивал, мял, скоблил особым образом, растягивал. Священник прочел эту книгу и сетовал, что не успеет переписать для себя: Юрша собрался ехать в Москву перед масленицей.

Но после Сретения приехал пасечник Сургун. Аким сразу узнал старика, принялся отогревать, в баню повел, вином угостил, – дед не по возрасту тяжкий путь совершил. Пасечник только и сказал, что приехал не с добрыми вестями. Аким повел его к Юрше. Сургун передал слово боярышни Таисии Прокофьевны:

– ...Не могу, говорит, быть женою Юрия Васильевича. Пусть не бьет челом государыне, а ищет другую девушку себе по душе. Не судьба нам вместе быть. А еще скажи, молвила она, видется нам нельзя ни под каким видом и писем посылать тоже.

Юрша усомнился:

– Старик, ты не путаешь? Не ее это слова. Я другие слышал.

Пасечник крестился, божился, даже заплакал.

– Может, случилось там у них чего? – допытывался Юрша.

– Не ведаю того. Боярин Прокофий болеет, сотового меда ему носил. Боярич Афанасий вернулся, пирует...

Юрша принялся ходить по светелке.

Аким, присутствующий при этом разговоре, тоже спросил:

– А не заметил каких изменений? Может, Афанасий жениха привез боярышне?

– Да нет, женихов не видно. Государь часто навещается, да один приезжает, с охраной лишь. А во дворце порядка больше стало. Мокруша там постоянно живет, чуть кто лишнее слово скажет – к нему. Многих перепорол. Моя внучка и та теперь лишнего слова не скажет. Иной раз спросишь что, а она в слезы, ничего не добьешься.

Юрша остановился перед пасечником.

– Загадками говоришь, Сургун. Может, и тебя запугал Мокруша?

– Кабы запугал, в такую даль не поехал бы, Юрий Васильевич. Ведь ежели проведуют, что тут был, с меня шкуру спустят.

– И то правда. Скажи, боярышня веселая была, когда слово сказывала?

– Не грехи, Юрий Васильевич. Веселиться-то нечему. На боярышне лица не было, белей рубашки. Глаза заплаканы, щеки ввалились. Извелась совсем.

– Может, по отцу, боярину Прокофию, кручинится?

– Может, и кручинится, а моя-то внучка чего слезы льет?

Юрша долго ходил по комнате, потом решительно сказал:

– Все. Отдыхай, Сургун. А ты, Аким, готовь кибитку, тулупы. Поедем. Хочу видеть боярышню.

Сургун взмолился:

– Юрий Васильевич, батюшка! Боярышня христом-богом просила, чтобы ты не приезжал!

– Не поехал бы, ежели точно знал, что к чему. А сейчас не знаю. Подозрение имею: Афанасий с женошкой над ней насилие чинить собираются... Лошадей надежных запрягай, вдруг увозить боярышню придется. Седла захвати.

Заохал Сургун, запричитал, но Юрша решение не изменил.

За полночь, когда пропели уже первые петухи, Юрша услышал стук в ворота. Залаял, забился на цепи пес. Сердце упало и заныло в предчувствии беды. Уж не погоня ли за Сургуном?!

Накинув тулуп, вышел на двор. Следом за ним вышел Аким, захватив сабли себе и хозяину. Стал успокаивать собаку. Юрша спросил:

– Кого надо?

За воротами ответили:

– Дворянина Юрия Монастырского надобно. Други мы его.

– Чего-то не признаю голоса друга.

За воротами кто-то завопил:

– Юрий Васильевич, дорогой! Узнал тебя! Харитон я! А со мной Неждан. Помнишь такого?

Сотник провел неожиданных гостей в горницу. Аким отдал лошадей конюху, сам пошел за припасами. Без малого полгода минуло после их последней встречи. Юрша надеялся, что пути их разминутся навсегда, однако вышло не так. Харитон за то время мало изменился. Может, рыжую бороду стал стричь пореже, усы пышнее стали, расправил он их, сосульки выщипал. Одеваться поскромнее начал, выглядит не князем, а помещиком среднего достатка. Шубу сбросил, остался в кафтане темного сукна, в таких же шароварах.

Неждан имел обличье бедного купчика. Вошел, сбросил шубейку и горницу обошел, каждый угол осмотрел, заглянул за занавеску, за которой похрапывал пасечник. Сразу подошел к Юрше с вопросом:

– Кто там спит?

– Гость, утром уедет.

– Мужик?

– Мужик, а что?

– Зри, Харитон, к барину мужики в гости ездят. Он их с собой спать кладет. У тебя же должна для слуг изба быть?

– Это почетный гость. А с чем вы пожаловали среди ночи?

Харитон покосился на занавеску:

– Разговор есть. Можно и до завтра погодить.

Вошел Аким и начал возиться у печи. Юрша пригласил:

– Пойдемте в мою горницу. Аким потчевать начнет, а я послушаю вас. Завтра не будет времени, уезжаю я в Москву. Дело спешное.

Неждан ухмыльнулся:

– Нас послушаешь, ехать раздумаешь. В другую сторону заспешишь.

Пока Аким ставил снесь на стол, Неждан и тут обошел все закоулки, заглянул за печь, осмотрел окна, приговаривая:

– Хозяин хорош, да без жены живешь. Тридцать лет, бабы нет, недоварен обед. – С этими словами присоединился к Харитону, который начал уминать за обе щеки.

Гости, видимо, здорово проголодались, долго ели в полном молчании. Утолив аппетит и выпив пару ковшей браги, Харитон обратился к Юрше:

– Разговор у меня строгий. Один будешь слушать?

– У меня от Акима секретов нет.

– Воля твоя. Ну-ка, Нежданушка, глянь, не проснулся ли мужичок?.. Дверь поплотнее прикрой. Поближе ко мне садитесь. Так вот, Юрий Васильевич, атаман меня прислал рассказать тебе все по порядку. Вскоре, как ты уехал из Новосила, Гурьян приказал нам с Нежданом поехать и вызнать, кто ты есть на самом деле. Я в обличье помещика якобы ездил грехи замаливать по святым местам. Неждан вроде как товарищем при мне был. Так мы и побывали в Суздале, в Кириллове, на Белом озере, у Сергия, по монастырям да по скитам. Разыскали

мы бабу-повитуху, что принимала роды у царицы Соломонии. Помнит она: малютку Юрием нарекли. Растила ее сестра суздальской инокини Глафира во Владимире, да умерла в одночасье. Ребеночку тогда три года было. После того передали его в бабий скит на Белом озере. А в восемь лет отвезли в Кириллов монастырь, и стал его наставником отец Пантелеймон, ныне старец Троицкого монастыря. Дядькой приставили к нему Акима Поперечного, охранника монастырского. Аким Поперечный да охранник Деридуб, отец мой, да монах Пантелеймон не единожды возили отрока на свидание к инокине Софии, в миру Соломонии. И на похороны ее тоже. Так что выходит по всему, сидеть нам с тобой на одной скамье не положено.

Харитон и Неждан вышли из-за стола и низко поклонились Юрию со словами:

– Приветствуем тебя, Юрий Васильевич, великий князь московский.

Сказали и остались стоять.

Юрша некоторое время сидел, закрыв глаза, обхватив руками голову. Затем, увидев стоящих перед ним, в сердцах махнул рукой:

– Хватит, садитесь! Можно подумать, что смеетесь надо мной! Теперь расскажите, как все вызнали?

Ответил Неждан:

– Три месяца изо дня в день бродили, выпрашивали, а где пришлось – допытывались с пристрастием. Кому и вино язык развязывало. Как на исповеди, все рассказывали.

Аким не выдержал:

– Кол в горло вам, неразумные! Сколько же вы людей взбудоражили! Клянусь себя, нужно было тогда, в Новосиле, не послушать тебя, Юр Василич, взять грех на душу, убить бы его, и концы в воду!

Харитон удивленно посмотрел на Акима:

– Кого же ты убить хотел? Уж не меня ли?

– Кого надо было! Ах я, старый дурак...

Юрша оборвал его причитания:

– Подожди, отец! – И к Харитону: – Узнали все это, дальше что было?

– Дальше что? Вернулись к Кудеяру, рассказали. А он послал нас к тебе.

– Юрий Васильевич, ну объясни ты им, ради Христа. Сами они обманулись и Кудеяра обманули! Убили сына Соломонии! Понимаете, убили подосланные слуги великого князя Василия! А что инокиня София на Юршу радовалась, так мало ли несчастных матерей на чужих детей радуется!

Харитон обиделся:

– Дураками ты нас берешь, Аким-воин. На похоронах будто бы сына Соломонии четыре монашки были, две доньне живы. Обе на Евангелии поклялись, что хоронили куклу, которую нож убийцы поразил, а Юрий жив остался. И другое слышали. Будто Соломония себя проверить хотела и ребенка в монастыре прижила с кем-то из служителей. И это по дням и по часам рассчитали: в Рождественский девичий монастырь ее в ноябре постригли, а сын родился в апреле. Посчитай сам, что к чему.

Тяжело вздохнул Юрий:

– Да! Все умные! А никто не подумал, зачем мне все это нужно? Лучше подкидышем слыть да жизни радоваться, чем князем быть и жизни лишиться. Великий князь Василий приказал убить ребенка, потому что не хотел смуты. И теперь государь Иоанн не помилует меня. Так что вы меня погубить решили. – Харитон порывался что-то возразить, но Юрша остановил его: – Погодь. Из тех, кто ведал о сыне Соломонии, в живых осталось три-четыре человека. Ныне сколько о том ведают? А сколь еще догадываются? Пальцев на руках не хватит счесть. Сколько побежали доносить царю? Дивлюсь, как мы с вами еще не на дыбе! О боже мой, боже мой! Помилуй нас, грешных!

Харитон молчал, Неждан вскочил:

– Вот сват Гурьян-Кудеяр тоже говорил: поберечься нужно.

– Как беречься? – спросил Аким.

– А как? Пришлых чтоб не было. Не уезжать далеко. А Гурьян в эти леса своих людей послал, доглядывать будут. Случится что, помогут.

Юрша рассердился:

– Вот так и дожили: лесные люди помогать станут. Вот тебе и князь! Ну, ладно, утро вечера мудренее. Вторые петухи поют. Вы спите вот тут, на лавках, а нам собираться пора.

– Все-таки едешь? – спросил Харитон.

– Еду. Вернусь дня через два. Вы тут живите, старосту предупрежу. Чем тише будете, тем лучше.

Когда оказались на дворе, Аким сказал:

– Юр Василич, кажись, запахло жареным? Что будем делать?

– Уже горелым пахнет. Вот что, забирай все, что пригодиться может. Вернемся, станем жить тут по-походному. Книгу отправь отцу Нефеду, у него она целее будет.

На рассвете выехали. Аким на облучке парой управляет, Юрша с Сургуном в крытой кибитке, там же три седла, укладка и два выючных тюка. Позади кибитки на привязи две запасные лошади.

До Бронич дорога была тяжелая, ненакатанная, переметенная. А далее полегче, и лошади пошли веселей. Сургун сидел рядом с Юршей и все кряхтел да покашливал. Но тот, занятый невеселыми мыслями, долго не обращал на него внимания. Потом спросил:

– Ты чего? Сидеть неудобно?

– Да нет. Спросить дозволю?

– Спрашивай.

– Что за люди ночью приехали?

– Знакомые... Соседи помещики.

– Помещики, это ладно... А ты их хорошо знаешь?

– Встречался, – неопределенно протянул Юрша. – Чем они тебе не понравились?

– Померещилось мне, что одного из них, того, маленького, я видел, и не раз.

– Вон что! И где же ты его видел?

– Спрашиваешь, где видел его? Ведь я по лесам бортничаю. Со всякими людьми ладить приходится, наше дело такое. Этот человек может плохое совершить, а ты его без присмотра оставил.

– Спаси Бог тебя. Благодарствую за добрый совет. Но хуже того уже сделать нельзя, что эти знакомцы мне содеяли.

16

Остановились в указанном Сургуном лесочке. Юрша с Акимом с утра до позднего вечера прыгали вокруг возка, снег мяли, отогревались. По очереди водили коней в овражек к роднику. В полдень Сургун принес чугунок горячих шей да жбан меда. Дивился, почему из дворца восточки нет, он еще вчера Насте сообщил, что ждать будут. Потом ушел, обещав к вечеру вернуться.

Мороз крепчал, коней накрыли попонами, под ноги им лапника настелили. Около возка о многом передумали, переговорили. Аким твердил, что нужно готовиться к худшему. Наверняка по монастырям, по скитам пошел слух: какие-то люди ищут старшего сына великого князя московского. Найдутся и такие, которые донесут в Разбойный приказ.

– Прежде всего возьмутся за тебя, – строил предположения Аким. – Потом обо мне вспомнят. Ты уж не сетуй на меня, я сказал Агафье, чтоб все сбережения и рухлядишку кое-какую отнесла верным людям.

– Кому? – поинтересовался Юрша.

– Кому, как не Акулине-вдовушке? Вернее ее в слободе никого нет.

Тяжелым укором легло на сердце Юрши упоминание об Акулине. Уж после ранения много раз бывал он в Москве, а ни разу к ней не заглянул. Догадывался, что Аким и Агафья носили ей подарки от его имени...

– ...Может, и нам, Юрий Василич, загодя в сторону отойти? Можно к Кудеяру податься, должен принять, сам виноват. А может, лучше в Литву. Я видел, как ты сучки рубил, рука силу не потеряла. На хлеб ратным трудом заработаем. А? Чего молчишь? Решай, сейчас самое время.

– Нет, отец, трусом никогда не был и не буду. Бежать – значит числить себя виноватым. А я ни в чем не виноват! Другое дело, ежели увижу злой умысел... – И шепотом закончил: – государя.

– Гляди, тебе виднее, – сокрушенно согласился Аким. – Может случиться, что поздно станет.

– Будем надеяться на Всевышнего.

– Деды говаривали: на Бога надейся, а сам не плошай. А я все-таки Агафье сказал, чтобы она себе и дочке котомки приготовила на всякий случай. Ежели с нами случится что, наш дом разнесут – теперь так. Посоветовал ей загодя в Кириллов идти, к братьям.

Юрша такую предусмотрительность не одобрил, Аким остался при своем мнении.

Из лесочка, в котором они прятались, если обойти по пояс в снегу чапыжник, можно увидеть угол частокола боярского двора, а на другом берегу заснеженной Язуы – избы села Тонинского. Оттуда неслась девичья песня. Был первый день сырной седмицы-масленицы, девушки на краю деревни наряжали большую соломенную бабу – масленицу, которую сожгут в прощное воскресенье. Когда начало темнеть, песни затихли. Пришел пасечник и сказал, что придется, видать, и завтра посидеть тут. Аким ворчал:

– Погода на мороз. Померзнем мы тут.

– В таких тулупах живыми останетесь. Вот коней водить придется, а то на ноги сядут.

На пути к Москве, куда подались на ночевку, Аким спросил:

– А вдруг боярышню уговоришь, что в таком разе делать станем?

– Все расскажу как есть, пусть сама решает.

– Она возьмет и решит покаяться брату Афанасию. Что тогда? Пожалуй, тотчас схватят.

Юрша промолчал.

На следующее утро на месте ожидания остался Аким. Он подрубил лапник под ноги лошадям, накрыл их попонами да вотолами. А Юрша ушел на опушку и наблюдал за Тонинским. В лучах восходящего солнца сверкал снег, в воздухе искрились кристаллики льда, рождающиеся в застывшем воздухе. А кругом елочки, как рынды на царском выходе, в белых собольих шубах.

На Язуу перед дворцом высыпала дворня, а мужики из деревни начали сгребать снег, видать, готовили место для кулачного боя. На берегу сбивали помост, значит, кулачки будет смотреть сам государь. А он, Юрша, старший брат царя, вроде как тать в лесу прячется. И горько и обидно.

За думами не заметил, как рядом оказался Сургун.

– Юрий Васильевич, там моя внучка в кибитке ждет.

Хоть снег и по пояс, Юрша побежал и вмиг очутился у кибитки. Настя, закутанная платком, в шубе, показалась куколкой.

– Здравствуй, Настенька! А что боярышня?

– Здравствуй долгие годы, Юрий Васильевич. Боярышня Таисия Прокофьевна меня прислала за своим словом.

– Слушаю. – Юрша, почувствовав, как слабеют ноги, присел рядом с ней.

– И сказала боярышня Таисия: свет очей моих, Юрий Васильевич! – говорила Настенька, а у самой по щекам слезы катились. – Видно, встретились мы с тобой в недобрый час. Судьбина горькая разлучает нас на веки вечные! И никто на этом свете не поможет нам. Не видать мне твоих голубых очей, не ласкать тебе меня, девицу. Не ищи дороги-пути, чтобы встретиться. Все дороги-пути мне заказаны. Все двери на замки заперты, а ключи от тех замков в море брошены. Забудь меня, Христом Богом молю. Виновата я перед тобой и невиновная. Забудь меня, найди девушку достойную. И горько мне будет, а за тебя буду радоваться. А в монастырь уйдешь, молись Богу за меня многогрешную...

Понимал Юрша, конечно, что Настя передает ему песню-плач девицы. Но за этой песней он увидел Таисию в слезах, в запертой светелке и забыл обо всем на свете.

– Ей, может, и заказаны дороги, а мне нет! Пойду найму отчаянных ребят и выкраду Таисию! – Юрша вскрикнул громко и напугал и Акима и Сургуна, а еще больше Настю. Она взмолилась:

– Что ты, Юрий Васильевич! Такое государь не простит ни тебе, ни боярышне!

– Какое дело государю! – горячился Юрша. – Мало ли случаев, когда и боярских и княжеских дочерей умыкают! Брат ее – другое дело, но с ним мы договоримся.

Настя даже вскрикнула:

– Господи! Да боярин Афанасий рад был бы Таисию за тебя отдать! Но государь... А-а!! – Девушка в страшном испуге закрыла рот руками.

– Что государь?! – вскрикнул Юрша.

Настя смотрела на него с таким ужасом, что и ему вдруг стало страшно. Она залилась слезами. Юршу забил озноб, он, заикаясь, прошептал:

– Государь... Та-Таисия... – И закричал: – О горе мне! Против меня все силы ада! Будь проклят...

Подбежал Сургун:

– Уходи, Настенька, уходи. У нас за такие разговоры языки рубят!

Настя прыгнула из возка в снег. Юрша схватил ее за руку:

– Постой. Скажи боярышне и мое слово. За всю жизнь я любил только ее и никогда не позабуду! Нависла надо мной беда смертная. Раньше я спастись хотел, может, убежал бы куда. А теперь мне жизнь не мила. Один конец скорей бы! А пока жив, пойду в монастырь, схиму приму. Прощай!

Юрша повалился в кибитку, Аким вскочил на облучок. Застоявшиеся кони легко вынесли через снежные сугробы, по дороге пошли ходкой рысью.

На следующее утро Аким в возке, а Юрша верхом остановились у Яузских ворот Москвы. Сопровождавший их стрелец отъехал в сторонку. Аким сказал:

– Юр Василич, ты сейчас свою жизнь в грош не ставишь, а все же поостерегись. За тобой ведь много людей потянут, ежели что...

– Помню, отец. Прежде всего о тебе моя забота. Ранее еще с тысячником говорил. Он тебе десяток стрельцов даст, начинай службу нести. Вот съезди, проводи гостей незваных и ступай. Коней пригони, тысячнику дай. Ежели вернусь, дома тебя подожду. А постригусь сразу, свидимся когда-нибудь.

– Жаль мне с тобой расставаться, Юрий! Да, видать, придется. Давай облобызаемся, друг мой сердешный.

Юрша свесился с седла, они трижды поцеловались. Аким перекрестил его, сам перекрестился на придорожную часовенку, отвернулся, чтобы скрыть слезы, и, тронув коня, запыхавшись, по Коломенскому тракту. Юрша долго смотрел ему вслед... Потом в сопровождении стрельца, следуя вдоль стен Белого города, выехал на Троицкий тракт.

17

Коломенский тракт накатан множеством возков, мчащихся в обе стороны, с пристяжными и цугом. Аким спешил, но ехал малоутоптанной боковой дорогой. Здесь лошади было тяжелей, зато не приходилось постоянно уступать дорогу знатным людям да строптивым царским гонцам, которые не ленились благословить плеткой зазевавшегося.

Когда от Бронич свернул с тракта, лошадь по занесенной дороге пошла шагом. Тишина вокруг, плавное движение убаюкали Акима. Разбудило его приветствие:

– Здравствуешь, Аким Дорофеич! С возвращением.

Рядом с возком глыбился каурый конь, по грудь утопая в сугробе. В седле парень, узнал не сразу – младший сын самого богатого мужика из Хлынова.

– Здорово, Игнат. Катаешься?

– По наказу старосты. Гости барина нашего Юрия заморского вина захотели. Дали старосте серебра, он и послал меня в Броничи. Вот везу целый бочонок.

– Значит, гуляют они?

– Гуляют. Говорят, от них Домна убежала, у старосты спряталась. А он, как прежнему барину, двух баб безмужних к ним послал. Маслена!

– Небось ждут вино?

– Знамо дело, ждут.

– Тогда беги.

– Итто. – Конь его скакнул, обдав возок комьями снега, вымахнул на дорогу и скрылся за поворотом.

Сон к Акиму не вернулся. Беспокоили слова Игната. Гуляют, а! Выбрали время. Харитон, видать, в батю пошел – Деридубу по молодости из-за баб частенько перепадало.

Когда ехал деревней, повстречал Игната, возвращавшегося с барского двора. Спросил:

– Отвез? Довольны?

– Ага. Харитон барин добрый. Кубок заморского поднес.

Около церкви увидел отца Нефёда, тот пошел к нему навстречу. Аким остановил коня, Нефед, волнуясь, заглянул в возок:

– Нету Юрия Васильевича? Тогда ты слушай. Как вам уехать, ко мне монашек горбатенький пришел, сказался из епархии. Помогал службу править. Но любопытен не по сану. Все сквозь забор к вам в усадьбу заглядывал. Заметил, что я сзади стою, приказал помалкивать, дело, мол, государево.

– Тут он? Повидать бы.

– Нет, вчера ушел.

– Благодарствую, отче.

К усадьбе подкатил на рысях. Ворота прикрыты, но не заперты. Въехал – ни одного живого человека. Пес загавкал, потом сел у конуры и, рыча, скалил зубы. В доме многоголоса пели. Аким кипел от негодования, но сдержался, разгонять гостей сразу не пошел. Распряг коней, завел их в конюшню и задал корма. Стал выходить и невольно остановился: Неждан стоял, обняв пса, тот, положив передние лапы к нему на грудь, довольно урчал, энергично помахивая хвостом. Картина невероятная, потому что собака была на диво нелюдимая и злобная, на Акима до сих пор рычит, хотя он много раз кормил ее. А тут за три дня дружба и любовь. Пес первым заметил Акима и пристыженно отступил к конуре. Неждан, отряхиваясь, затараторил:

– С приездом, Аким! Аз не угадал, кого Бог послал. Дивишься, что со псом милуемся? Меня дед, Царство ему Небесное, за власы таскал да поучал: с человеком собачься, а с собакой человеком будь. Вот и стараюсь.

Аким сердито спросил:

– Почему ворота настежь? Где конюх?

– Харитон его за старостой послал, добрым вином угостить хотел. И тебе с дороги хорошо будет, радости прибудет.

– Весело живете. Ну, пошли.

– Слава Богу, не скучаем. Редко нас барами считают, вот и пользуемся.

Вошли в горницу, тут никого не было, на лавке валялись бабы шубы. Из опочивальни шел гомон. Аким распорядился:

– Ступай крикни Харитона сюда, да баб гони. Сейчас я вас другим повеселю.

– Смотрю, Аким, завидуешь ты нам. Могли бы третью бабу кликнуть.

– Чего мелешь, постыдись! Ступай.

В опочивальне все затихло. Харитон вышел с пьяной ухмылкой. Усы задрались к глазам, рожа будто кирпичом натерта, рубаха на брюхе расстегнута. Аким постарался говорить спокойно:

– Непотребством занимаешься, Харитон. А в селе монах живет, за вами через забор наблюдает.

Харитон тотчас протрезвел, с лица сползла краснота, осталась только на шее. Спросил поспешно:

– Монах горбун?

– Горбатый. Что – знакомый?

– Неждан, шубу! Убью поповского шиша!

– Оpozдал, ушел еще вчера. Откуда знаешь горбуна?

– В Кириллове впервые увидел. Потом в скиту попался. Хотел его там придушить. Сбежал. Не к добру это.

– Вот так. По следу идет. Поколь беда не грянула, уходите.

– Мы-то уйдем, а Юрий где?

– В Троицком монастыре, постриг принять хочет.

– Ну и дурак! Ему с нами уходить надобно.

Дверь из опочивальни отворилась, вышли две ухмыляющиеся бабы. Пока они надевали шубы, Неждан одел их по копейке. Они, поклонившись, ушли довольными. Тут же вошел конюх и сообщил, что староста занемог, явиться не может. Харитон распорядился:

– Ладно. Коней как следует корми, на рассвете едем.

Однако уехать им не удалось. Легли спать пораньше, но уснуть не успели. Застучали в ворота, залился лаем пес. Первым оделся и выскочил Неждан и пропал. Аким собрался выйти за ним, но вернулся, взял саблю и разбудил Харитона. На дворе заскулила собака, но скоро замолкла. Послышались тяжелые шаги. В горницу вошли сразу человек пять. Аким встретил их со свечой. Узнал стражников из Разбойного приказа и их полсотника Мирона, который скомандовал:

– Именем государя, брось саблю! А, знакомый!

– Стрелецкий десятник Аким. С чем ты, полусотник, пожаловал?

– Татей покрываете! Пришли взять. Ребята!

Аким с саблей и свечой в руках попятился в опочивальню. Увидел, как стражники втолкнули обратно в избу Харитона, попытавшегося выскочить в выдавленное окно. Свеча осветила его испуганное лицо, это был человек окончательно растерявшийся. Вдвоем они могли бы еще отбиться, но одному сопротивляться не имело смысла. Аким положил саблю, отошел к стене. Полусотник МIRON сел в передний угол; стражники заложили подушками выдавленное окно, засветили еще одну свечу.

– Где второй тать? – спросил МIRON.

– У нас татей нет. Есть гости, – хмуро ответил Аким.

– Чего же гость в окно полез? Где монах?

– Тут аз.

Только сейчас Аким увидел маленького монаха в шубе поверх рясы. Под шубой заметен был горб, одно плечо выше другого. Мирон обратился к нему, кивнув на Харитона:

– Этот?

– Тот самый. Харитоном звать. А сбежал Неждан.

– Ну, десятник Аким, где Неждан? В окно сиганул?

– Не видел. Был тут, в избе.

– Ребята, обыскать двор. Пошлите за священником и старостой. А теперь, Аким, где дворянин Юрий Монастырский? Почему в Хлыново не вернулся? Чего молчишь?

– Монастырский для меня барин. Приказал мне вернуться, а сам сел на коня и уехал. Куда – не сказал.

– Врешь, старик, знаешь. Он тебя не раз отцом называл. Где он?!

– Не знаю.

– Вон как ты крутишь! Ребята!

Два стражника схватили Акима, вывернули руки, нагнули. Третий встал сзади с плеткой, ждал знака.

– Где Юрша? Молчишь? Десять горячих ему!

Стражник хлестал во всю силу, сопровождая удары выкриками: «Вьих! Вьих!» Аким беззвучно вздрагивал, после десятого удара выпрямился.

– Вспомнил? Говори.

Аким покачал головой:

– Хоть убей, ничего не знаю.

Стражники опять нагнули Акима, но Мирон остановил их:

– Погодите. Ты... как тебя? Харитон, знаешь, где Юрша? Говори, пока плетей не отведал.

Тот начал торопливо объяснять:

– Когда Юрша отсель уезжал, говорил, что в Москву. Аким вернулся и сказал, что он в Троицкий монастырь подался. В монахи хочет. – Перехватив злой взгляд Акима, ответил: – Нечего на меня коситься! Влипли, теперь чего молчать!

Мирон согласился:

– Правильно! Когда уехал?

– Выходит, два дня тому...

И тут произошло самое неожиданное. Аким до сих пор не сопротивлялся стражникам, а тут вдруг раскидал их, схватил со стола саблю и с воплем: «Убью гада!» бросился на Харитона. Тот рванулся к двери. Мирон, вылупив бешеные глаза, заорал:

– Держи их! Туды растуды!

В дверях образовалась свалка. Аким вырвался из нее и вскочил на скамью. За ним увязались три стражника с саблями наголо, но первым никто нападать на решался. С полу поднялся Харитон, перепуганный, но невредимый.

– Вот везет дерьму! Жив! Сдаюсь! Не хочу вашей крови. – С этими словами Аким сошел со скамьи и воткнул саблю в пол. Его тут же связали.

В опочивальню вошел отец Нефед, привели старосту и конюха. Мирон начал допрос. Его интересовало, как Юрша относился к старосте, мужикам, бабам. Потом начал спрашивать, кто гостил тут, особенно про Харитона и Неждана. После допроса конюха и старосту высекли, отдали приказ беречь деревню, она отходила государю. О приезжающих сообщать в Броничи наместнику.

Потом поели, попили. Все, что понравилось из добра, забрали себе. Присутствующий при этом староста попытался удержать грабителей: мол, государево это теперь. Его вторично поучили – высекли.

Как рассвело, собрались уезжать. Акима с Харитоном посадили в возок, к ним забрался горбатый монах, и двор опустел.

Староста, кряхтя и держась рукой за спину, запер ворота, покричал конюха, но того и след простыл. Посчитал лошадей, оставшихся в конюшне. Пошел к дому, но остановился, испуганно перекрестился. Он увидел, что разрубленный пополам пес, лежавший у конуры, зашевелился, а из конуры вылез Неждан, посиневший, дрожащий, заикаясь, сказал:

– Никого нет? Пошли в дом, снега прихвати, растирать будешь. Чуть не замерз. Пес погиб, а меня спас, загородил. Никто не догадался в конуру заглянуть. Ты чего жмешься? Высекли?!

Примерно через час он, покрасневшийся, сидел за столом, допивал и доедал, что осталось от стражников. Староста стоял перед ним и слушал его болтовню. А собравшись уходить, Неждан такое сказанул, что Михей обомлел:

– Нравится мне тут у вас, тихо. А стражников монах привел, ему недолго жить осталось. Опять же, барский двор в лес упирается. Так что мои людишки другой раз приходиться будут, пока хозяева не появились. Ты запас еды и питья тут храни, убудет – пополняй, а больше тебя ничего не касается. Тутешнего конюха не меняй. Собаку новую заведи. Да запомни: ты ничего не знаешь. А то у нас ребята бедовые, ненароком придавить могут.

Староста видел, как Неждан вынул из-под поленницы плетеные снегоступы, перевалился через забор и исчез. Подошел Михей к частоколу, заглянул в щель: ничего не видно и следов нет...

18

Юрша остановился на постоялом дворе близ Троице-Сергиевского монастыря. Перекусив немного и отдохнув, он оставил стрельцу шубу, саблю, поколебавшись немного, отдал и нож. Главные ворота монастыря были закрыты, привратник пропустил его в калитку. Из каморки навстречу вышел и поклонился монах:

– С благополучным прибытием в нашу обитель. Как прикажешь доложить о себе?

Юрша назвал себя, монах недоверчиво окинул его взглядом – государев стрелецкий сотник и вдруг в простом темном кафтане – и протянул к нему опечатанную кружку:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.